
Публикации

Воспоминания Сообщения

«БЕЛЫЕ РУКИ, УБЕЖДЕННО УШЕДШИЕ В ЧЕРНУЮ РАБОТУ...»

В. Г. Короленко и журнал «Русское богатство»

Фраза, вынесенная в заголовок, принадлежит известному литератору А. Амфитеатрову, автору едва ли не самой яркой статьи о Короленко (упомянута в публикуемом письме Г. Лопатина от 15 февраля 1911 года).

В настоящее время готовится том «Литературного наследства» (под общей редакцией Л. Розенблюм), посвященный деятельности Короленко в качестве редактора-издателя «Русского богатства». Том охватывает период с 1891 по 1921 год и содержит более двух тысяч документов (писем, дневниковых записей и других материалов), характеризующих все этапы существования русскобогатенского «товарищества на паях и на вере», начатого в самых убогих материальных обстоятельствах, расцветшего от возрастающих читательских симпатий и бесцеремонно прекращенного в 1918 году, на что Короленко отозвался 10 марта 1919 года кратко и горестно: «Журнал разгромлен». Тщетные попытки возрождения журнала длились до 1922 года.

В начале XX века «Русское богатство» неизменно занимало первое или второе место среди «толстых» журналов и по своему тиражу, и по той статистике читательско-

го спроса, которую вела крупнейшая библиотека России — Императорская публичная библиотека в Петербурге — в своих ежегодных печатных отчетах. «Публичку» посещали люди определенного социального и культурного слоя, в основном читающая русская демократия. Характерно, что журнал «Мир искусства» ни разу не попал в отчет, так как не преодолевал необходимый ценз читательского спроса (100 требований в год), а модернистские «Весы» за недолгие годы своего существования поднялись с 30-го на 15-е место.

Природу этого явления объяснил Блок, человек другого поколения и других эстетических взглядов: «Правда никогда не забывается, она *существенно* нужна <...> И опять-таки такое неподкупное и величавое приятие или отвержение характеризует особенно *русского* читателя. Никогда этот читатель, плохо понимающий искусство, не знающий азбучных истин эстетики, не даст себя в обман “словесности”...» При единственной жизненной встрече в 1908 году со «стариками» из «Русского богатства» (Короленко и Н. Анненским) Блок увидел «какую-то кристальную чистоту, доверие и любезность» и почувствовал себя «любимым внуком». Чуть позднее, в 1911 году, он напишет об этой встрече: «...верую, что иные слова старых были тогда моложе и вечнее иных слов юных, что за ними таились опыт и пытка десятилетий и что слова были белы, как седины самих говорящих, и бескорыстны, как они»¹.

Истолкователь и столп русского символизма Андрей Белый осенью 1933 года прочел «от доски до доски» 9-томное марксовское собрание сочинений Короленко 1914 года и 4 сентября 1933 года записал в дневнике: «...стал убежденным поклонником этого писателя», которого «всегда любил». При этом сделал ряд весьма тонких наблюдений над его творчеством, вплоть до парадоксального лозунга «Вперед к Короленко» (имелось в виду возвращение в отечественную культуру писателя типа Короленко). Од-

¹ Блок Александр. Собр. соч. в 8 тт. Т. 5. М.—Л.: Художественная литература, 1962. С. 278—279, 686; Т. 8. С. 269.

нако наиболее душевно значимыми мне кажутся слова Белого, не содержащие литературоведческого анализа: «Не забуду отныне моих вечеров, посвященных чтению этого замечательного писателя, странно забытого недавним временем»².

Потому и принялся Андрей Белый в свою последнюю осень, после многих утрат и разочарований, за сквозное чтение Короленко, что искал (и нашел!) у него утешение и поддержку веры в человеческую природу. Ведь Владимир Галактионович полагал, что литература в чем-то сродни религии — она вооружает читателя жизненным ориентиром и дает силы на противостояние тяготам жизни.

Еще через двадцать лет, 13 февраля 1955 года, писатель, отнюдь не склонный к умилительным интонациям, Евг. Шварц вспомнил о своем юношеском пиетете перед «Русским богатством» и перенес его на «последнюю представительницу» журнала Т. Богданович (заметим: она была лишь близка к «Русскому богатству» как племянница и воспитанница Анненского), на которой «словно проба стояла, что она создана из того же драгоценного вещества, как ее товарищи по журналу»³.

И наконец, И. Бродский, никогда не державший в руках журнал народнической демократии, косвенно подал свой голос в защиту его позиции: «Ведь для русских всякое дидактическое искусство куда интереснее просто чистого искусства». И это не были слова порицания, так как время ссылки в архангельской деревне Бродский назвал лучшими годами жизни: «...я по праву ощущал свою принадлежность к этому народу. И это было колоссальное ощущение! <...> Хрестоматийная Россия!» Под «дидактикой» поэт разумел «этическую позицию, этическую оценку», которая должна служить «итогом существования»⁴.

² Новое литературное обозрение. 2000. № 6. С. 185—186.

³ Шварц Евгений. «Живу беспокойно...». Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990. С. 435—436.

⁴ Волков Соломон. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2006. С. 77, 148.

Сам Короленко, заслуживший от современников высокий титул «нравственного гения», морализаторства не любил, не веря в его действенность. Он вообще был чужд всякого навязчивого идеологизма: деспотизма проповедничества, веры, морали, правоты. В любой, даже враждебной, позиции он предлагал найти «долю истины», порою расходясь со своими товарищами по журналу. В общественном и литературном мире он почитался как безусловный «совестный судья», к которому прибегали, порою превосходя всякие пределы его сил и времени. Это послужило одной из причин его бегства из Петербурга в 1900 году.

Существует точка зрения, что беллетристика «Русского богатства» отличалась неподвижно-устарелым реализмом и «гражданской скорбью», неизменно заключаемой в иронические кавычки, а также второсортностью писательских имен.

Это верно лишь в том смысле, что и Михайловский, и Короленко крепко держали в руках поводья русской литературно-общественной традиции XIX века, тормозя чересчур резвые «порывания к новизне» следом идущих поколений. Они полагали, что культурная почва требует сбережения и накапливания, а новое в литературе вырастает из векового ствола, а не падает с неба. Кстати, новизну художественных приемов Короленко, порою опережавших новации модернистов, отмечали Поль Верлен и Андрей Белый.

Но, конечно, по отношению к Короленко и его журналу чаще можно было встретить издревле существовавшую, саморазоблачительную формулу пренебрежения: «Что хорошего может выйти из Назарета?»

Журнал много печатал начинающих авторов, порою достигавших славы, порою остававшихся в неизвестности. С его страниц вошли в большую литературу Горький, Бунин, Куприн. В нем печатались Мамин-Сибиряк, Гарин-Михайловский, С. Елпатьевский, Ф. Крюков, С. Юшкевич, Д. Айзман, С. Подъячев, Л. Андреев, В. Муйжель, И. Шмелев, М. Арцыбашев, Е. Замятин, А. Черный и многие другие.

Если Михайловский ограничивался советами начинающим авторам, то Короленко правил текст (с согласия

автора) весьма кардинально, придавая сырому материалу достойную литературную форму. Читатели и не подозревали, что доброкачественный текст напечатанного рассказа был буквально вписан Владимиром Галактионовичем между строк присланной рукописи.

Редакция «Русского богатства» вслед за Щедриным, могла бы повторить: «В “Отечественных записках” бывали слабые вещи, но *глупых* — не бывало»⁵. Короленко ценил всякого «человека с материалом» и со спокойной иронией относился к возникающей временами панике своих соредкторов по поводу очередного «беллетристического кризиса».

Два главных эпических полотна рубежа веков появились на страницах «Русского богатства»: «Из мира отверженных» П. Якубовича и «История моего современника» Короленко. О втором, знаменитом, — самую короткую и емкую характеристику дал все в той же статье Амфитеатров: «Благоухающая книга!» Первое — сразу выделил Чехов из «кучи» новых авторов, как книгу, стоящую «особняком», книгу «большого, не оцененного писателя, умного, сильного писателя»⁶.

Позднее труд Якубовича оценил А. Твардовский, редактор той поры «Нового мира», когда журналу удалось подняться до уровня своих предшественников «Отечественных записок» и «Русского богатства»: «Якубович — это книга (и голосом выделял это слово, будто в разрядку). Я вот всегда знаю, где у меня на полках красивые собрания сочинений и прочее, что я не читаю, а где книги»⁷. И, как бы восстанавливая разорванную связь времен, повез каторжную эпопею Якубовича в подарок А. Солженицыну, проницая в нем будущего автора «Архипелага ГУЛАГ».

⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 тт. Т. 20. М.: Художественная литература, 1977. С. 29.

⁶ Чехов А. П. Полн. собр. соч. Письма. Т. 12. М.: Наука, 1983. С. 438.

⁷ Лакшин В. Вторая встреча. М.: Советский писатель, 1984. С. 163.

В состав тома включены не только переписка самого Короленко с членами редакции, авторами журнала, родными и друзьями, но и перекрестный обмен писем членов редакции между собой и авторами. В целом возникает уникальная в своей подлинности эпистолярная история «Русского богатства», показанная изнутри живыми голосами его создателей в хронологическом потоке неопубликованных материалов, своего рода журнальный эпос — со своей экспозицией, развитием действия и трагическим финалом, — вобравший в себя коллизии и общественно-литературного, и личного свойства. При этом материал дается без всякой коррекции и селекции, во плоти, разрушая всяческие мифы, фальсификации и предрассудки, укоренившиеся в науке советского периода.

При необозримом обилии архивного материала пришлось прибегать и к фрагментарной форме («из письма»), чтобы сохранить всё существенное, пожертвовав второстепенным и посторонним основному сюжету.

В настоящую публикацию включено 29 документов, но и они позволяют дать, хотя бы пунктиром, напряженную линию долгой жизни журнала русской демократии, для одних недостаточно революционного, для других недостаточно умеренного...

Министр внутренних дел В. Плеве назвал «Русское богатство» «штабом революции» (см. письмо Анненского от 21 декабря 1902 года). Чуть ли не о каждой книжке журнала того «благостного» для некоторых современных оценщиков времени можно сказать не «вышла», а «излезла» (оборот Анненского). Предварительная цензура (отмененная явочным порядком в октябре 1905 года и вновь введенная при начале Первой мировой войны) и последующая (судебно-административная) не оставляли журнал вниманием.

В советские времена утвердилась ленинско-сталинская негативная оценка народнического журнала и его основателя Николая Константиновича Михайловского. Даже «оттепельные» послабления не повлияли на нее. В сборнике «В. Г. Короленко в воспоминаниях современников» к характеристике Ф. Батюшкова — «очень прогрессивный в своих политических и социальных воззрениях»

журнал — было сделано примечание: «Прогрессивность политической позиции журнала переоценена Батюшковым»⁸. А из четырехтомника «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века» (М.: Наука, 1981—1984) моя статья о «Русском богатстве» была изъята редактором Б. Бяликом за «апологетическую “точку зрения”», хотя прошла и рецензирование, и утверждение Ученого совета ИМЛИ.

И в заключение вновь обращусь к Амфитеатрову, написавшему к 25-летию журнала в 1917 году: «Гасильники нового царизма снизу, кажется, задались целью превзойти своих достойных предшественников <...> Великий памятник таланта, труда и неусыпной любви эти триста книжек журнала, двадцать четыре года шагавшего босыми ногами по колючим терниям, чтобы на двадцать пятом году продолжить путь по раскаленным углям. Но, зато, велика и любовь, им завоеванная. И хочется верить, что сила любви этой надолго сохранит нам драгоценный журнал-светоч...»⁹.

Ждать исторически справедливой оценки журнала, «душевным средостением» которого (по слову Горнфельда) и его уравнивающим началом был Владимир Галактионович Короленко, пришлось долго. Но ее неминуемость была очевидной.

Все публикуемые материалы хранятся в Отделе рукописей РГБ (фонды В. Г. Короленко и А. В. Пешехонова) и в РГАЛИ (фонд А. Г. Горнфельда).

⁸ В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М.: ГИХЛ, 1962. С. 281, 581.

⁹ Русское богатство. 1918. № 1—3. С. 358.

Дорогой Владимир Галактионович.

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам несколько сведений о том, что происходит сейчас в Петербурге в литературных кругах. Вероятно, до Вас уже доходят об этом кое-какие слухи и, наверное, несколько фантастические. Могу сообщить не многое, но достоверное. И пусть пока это достоверное останется между нами; в особенности не подлежат оглашению подробности разговора Н[иколая] К[онстантиновича] с Плеве, касающиеся «Р. Бог.»¹, — они должны оставаться строго в кругу лиц, близких к журналу.

Я уже писал Вам о проектах чествования 200-летия печати², довольно экспромтно возникших в половине ноября. Знаете Вы также и об образовании «частного комитета», одним из 40 членов которого состоите и Вы. От публикации об этом Комитете сыр-бор и загорелся. В воскресенье, 8-го декабря, заявление о Комитете появилось в петербургских газетах, а в понедельник, 9-го, Ник. Конст. получил приглашение к Плеве (на следующий вечер, 10-го). Аудиенция продолжалась с час. Его высокопревосходительство был утонченно любезен, но из-под бархатной лапки очень решительно выставлял когти. Беседа велась в монологической форме; Н. К., по его словам, едва мог вставить две-три кратких реплики. Смысл речи Плеве был таков. Он считает литературу главною пружиною всего революционного движения последнего времени. Молодежь, рабочие — все это «пушечное мясо», а главный заводчик всего сочинитель. И хронологически первым толчком к движению был акт литературы, или лучше литераторов, — это протест группы петербургских писателей по поводу неправильностей, допущенных, будто бы, при аресте Мих. Лар. Михайлова³. Ту позицию, которую либеральные литераторы заняли 40 лет назад, они сохраняют и теперь.

То, что говорилось о литературе вообще, применялось в частности и в особенности и к «Р. Б.» — это, по словам

Плеве, «штаб революции». На возражение Ник. Конст. по поводу крепких терминов министр согласился вместо «революционного» говорить «общественное» движение (разумея противоправительственное), но решительно настаивал на доминирующей роли во всем этом движении (включая сюда все, до воронежского комитета) литературы и литераторов.

В частности, на счет «Рус. Бог.» ставился и Союз писателей⁴ (основанный после победы «Р. Бог.» над марксизмом), и многое другое.

При всей этой зловредности литературы Плеве, однако, ее терпит и не переходит в нападение. «Нападение, по его словам, свойственно слабости, а правительство сила и потому ему приличествует спокойствие». И он, Плеве, поэтому же предпочитает до последней возможности оставаться в оборонительном положении и только охранять, а не нападать (!!!).

Но бывают, однако, положения, при которых он не может оставаться в роли свидетеля. Таковы те случаи, когда писатели прямо и непосредственно выступают на общественную арену, уже не в печати, а лично. К таким случаям относит он и образование «самочинного» комитета, который под предлогом чествования юбилея печати имеет в виду волновать общество и вызвать смуту. Он не остановится перед ссылками, если комитет эту смуту в самом деле вызовет или выступит с заявлениями по поводу свободы печати, в форме ли обращения к обществу или петиции к власти, безразлично. На замечание Мих[айловского], неужели же, в самом деле, он считает преступным актом даже петицию, ему поданную (хотя, добавил Н. К., он о такой петиции не слышал), Плеве ответил: да, ибо теперь ведь ни о каком практическом результате подобных петиций нельзя думать, при теперешних условиях ни на какие облегчения печать рассчитывать не может, — и следовательно петиция есть только маска той же общественной агитации.

Во время всей беседы Плеве был изысканно любезен, относился к своему собеседнику с подчеркнутым уважением, хотя прибавлял, что как люди совершенно противоположных мирозерцаний, они только до известной меры могут понять друг друга, — но в тоже время в его

словах слышались недвусмысленные намеки на всяких скорпионов. «Мне уже раз довелось сделать Вам зло, не хотелось бы причинить его еще раз»⁵ и т. п.

«Остов» своей беседы Плеве уполномочил Н. К. передать ближайшим сотрудникам по редакции (к ним он причисляет Вас, меня, Александр⁶ и Мякотина⁷); что касается комитета, то, — сказал Плеве, — «это дело директора департамента: я ему приказал вызвать к себе нескольких лиц, кто по его сведениям оказываются генералами или полковниками в этом деле, с Вами же я давно хотел лично познакомиться и поговорить». Так что Ник. Конст. выходит уже как бы вроде фельдмаршала.

«Генералами» и «полковниками» оказались, к общему изумлению: Рубакин⁸, Фальборк⁹ и Чарнолуский¹⁰ (!), все трое пожалованные в этот чин, видимо, по тому признаку, что они только что находились под гласным надзором полиции: обстоятельство едва ли имеющее, однако, большое значение для влияния в литературе. Фальборка не было в городе, а двум остальным Лопухин¹¹ заявил, что комитет де самозванный и «петиция», им замышляемая, — незаконна. И тот, и другой ответили, что о формах чествования в комитете еще не принято решения, но пока говорилось только об устройстве общественного банкета, с речами и пр., а проекта «петиции» не выдвигалось, по крайней мере до сих пор. Лопухин, так же как и Плеве, грозил карами — «не стеснимся де — ни количеством, ни качеством», если чествование примет демонстрационный характер: конечно, обедать и ужинать в честь двухсотлетия печати литераторам не возбраняется¹², можно терпеть даже и речи, если они говорят «о прошлом литературы или о ее заслугах», — но если они коснутся тягостей настоящего и пожеланий в будущем, то — *videant consules**. В заключение Лопухин просил обоих своих собеседников употребить свое влияние, чтобы отговорить литераторов от исполнения их злокозненных замыслов. И тот, и другой отклонили от себя, однако, роль передатчиков его указаний: если он

* Консулы, будьте бдительны (*лат.*).

считает проекты членов Комитета незаконными, у него есть свои пути это объявить. Лопухин сказал, что он так и сделает. Однако до сих пор официального veto на проекты честования (собственно комитетского — о кассе взаимопомощи особо) не наложено. Комитету предоставляется самому благоразумно отступить под давлением сделанных внушений. Положение получается крайне запутанное — особенно при наличии людей совершенно различных настроений в составе довольно многочисленного Комитета. До сих пор не нашли еще средней, всех удовлетворяющей линии, — но, вероятно, в скором времени власть предержащая поможет в этом. На днях правлению кассы взаимопомощи объявлено, что замышленное им экстренное собрание в день 200-летия не может состояться. То же, по всей вероятности, в скорости получим и мы. Вот пока все, что могу сообщить. И очень жалко, что Вас нет здесь теперь и отчасти рад этому. Если Н. К. что-либо постигнет, Вас необходимо сугубо беречь. Ну, пока до свидания. Обнимаю.

Н. А.

¹ 10 декабря 1902 года министр внутренних дел Плеве вызвал Михайловского как руководителя журнала, ставшего «главным штабом революции», и, пригрозив ссылкой, посоветовал добровольно покинуть Петербург, на что получил письменный отказ (*Михайловский Н. К. Мое свидание с В. К. Плеве // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. X. СПб., 1913*).

² Исчислялось со дня выхода первой русской газеты в Москве 2 января 1703 года.

³ *Михаил Ларионович Михайлов* (1829—1865) — журналист и революционный деятель; арестован 14 сентября 1861 года и осужден за распространение противоправительственных прокламаций на ка-торжные работы и затем на пожизненную сибирскую ссылку.

⁴ Союз взаимопомощи русских писателей создан в Петербурге в январе 1897 года и закрыт распоряжением правительства в марте 1901 года.

⁵ Речь идет о высылке Михайловского из Петербурга в 1882—1886 годах.

⁶ *Александр Иванович Иванчин-Писарев* (1849—1916) — заведующий редакцией «Русского богатства».

⁷ *Венедикт Александрович Мякотин* (1867—1937) — историк и публицист народнического направления, член редакции «Русского богатства».

⁸ *Николай Александрович Рубакин* (1861—1946) — библиограф и книговед.

⁹ *Генрих Адольфович Фальборк* (1864—1942) — деятель по народному образованию.

¹⁰ *Владимир Иванович Чарнолуцкий* (1865—1934) — деятель по народному образованию.

¹¹ *Алексей Александрович Лопухин* (1864—1927) — директор департамента полиции.

¹² Банкет сначала был ограничен числом участников, а потом и вовсе запрещен полицейским распоряжением.

ИЗ ДНЕВНИКА В. Г. КОРОЛЕНКО

2 мая 1904, Петербург

Вчера у нас, в редакции «Русского богатства», началась «ревизия» наших дел. Только теперь нам удастся, наконец, поставить дело ведения журнала на товарищескую почву. В 1895 году в редакции произошел «переворот», в результате которого часть прежней редакции вышла (Кривенко и Станюкович)¹. В 1896, по приглашению Н. К. Михайловского, которому я когда-то обещал, если у него будет журнал, явиться на его зов, — я переехал в Петербург, и товарищи выставили меня официальным «издателем»². Тогда еще утверждения издателей не требовалось и Гл[авное] управление по делам печати примирилось с фактом. Товарищество номинально состояло из Н. К. Михайловского, Н. Г. Гарина-Михайловского, его жены Над[ежды] Валериановны, С. Н. Южакова³, А. И. Писарева, В. В. Лесевича⁴ и еще двух-трех лиц, вносивших еще при Кривенко деньги в качестве пайщиков, но вскоре ликвидировавших с журналом свои отношения. Журнал издавался, вообще говоря, без денег, и подпиской данного года оплачивались расходы прошлого. На журнале было много долгов (которые еще и теперь достигают тысяч 75-ти; в том числе 35 подлежащих оплате «из чистых прибылей журнала»). Я брал на себя перед кредиторами ответственность материального характера и обратил внимание товарищей на то, что смотрю на это очень серьезно: литературное имя гарантирует кредитоспособность журнала, и я полагал, что, в случае закрытия журнала, мы

обязаны уплатить все до копейки. Писатели — народ очень наивный в этого рода вопросах. Н. К. Михайловский сначала как-то не мог понять, о чем я говорю, а С. Н. Южаков, который сам должен журналу авансами изрядную сумму, с великолепным видом и, конечно, совершенно искренно заявил, что, конечно, я прав и что «мы все, конечно, смотрим так же». Впоследствии, когда журналу грозило закрытие или, что было бы все равно, приостановка на 8 месяцев (ограничившаяся, к счастью, 3 месяцами) из-за статьи о Финляндии⁵, — я пережил неприятные минуты с мыслями о том, как я осуществляю свою материальную ответственность. В то время она фактически легла бы на меня одного, так как на изданиях Н. К. Михайловского лежал тогда еще долг около 9 тысяч, а остальные товарищи были отстранены А. И. Писаревым от всякого участия и контроля в делах, почему, конечно, не несли и никаких обязанностей. Почти 8 лет я и Ник. Фед. Анненский добивались фактического осуществления товарищества, а когда журнал стал на ноги и в некотором, уже не очень отдаленном, будущем являлась даже возможность доходов, — узурпация товарищеских прав являлась уже нравственно неудобной. Н. К. Михайловский, находившийся в деловом отношении всецело в руках Ив. Писарева, — в первые годы решительно не хотел понять меня и еще года три назад, на мои напоминания о необходимости отчета товарищам и нового договора с ними, отвечал с простодушным удивлением:

— Не понимаю, Вл. Г., что вам нужно: рукописи присылаются, редактируются, отправляются в типографию, набираются, корректируются... Книжки выходят ежемесячно... Что же еще требуется?

Это было совершенно искренно: он смотрел лишь на литературные результаты, и нам с Анненским стоило много труда растолковать ему всю неблагоприятность нашего положения «самовольных захватчиков» значительного имущества, которое, по общему мнению, и в том числе по мнению заинтересованных лиц, уже приносит значительный доход (чего не было и нет еще теперь). Наконец Михайловский понял и, кажется, стал вдобавок несколько освобождаться от гипнотизирующего влияния Ал. Ив.

Ив.-Писарева. В самый последний год он уже сам напоминал о собрании товарищей, проекте нового договора и отчете. Решено было пригласить бухгалтера, составить баланс и пр. Все это, однако, упорно и систематически тормозилось А[лександром] Ив[ановичем] и Л. В. Костровой⁶, которые все обещали предоставить все отчеты, но всякий раз это не осуществлялось. Л[идия] В[алериановна] проливала слезы, жаловалась на утомление и т. д. В ноябре эта затяжка удалась еще раз. Мы ни с чем разъехались, решив отложить все на март. В конце января Михайловский умер. В феврале выслан Анненский⁷. В марте обещанный отчет не поспел, но я пригласил в редакцию Ник. Фр. Даниельсона⁸, который из расположения к журналу согласился составить нам формы отчетов и книг. Мы решили, что 1 мая соберемся опять. Выбрана ревиз[ионная] комиссия (из Карышева⁹, Пешехонова¹⁰ и Южакова), которая должна произвести фактическую ревизию.

1 мая комиссия эта собралась (я приехал из Полтавы, Карышев из Москвы), но... отчет и баланс опять оказались не готовы, а глаза у Л. В. опять сильно наплаканы. Это было прямое нарушение обещаний, данных, кроме предыдущего собрания, еще мне лично: было решено, если Л. В.-не будет трудно, — пригласить в помощь бухгалтера, и Пешехонов предлагал еще свои услуги. Это было отстранено и... опять старая история, а Ал. Ив. Ив.-Писарев заявил прямо, что он не признает никакого товарищества, а... только меня, как владельца журнала. Тогда мы решили, что ревиз. комиссия сама приступает к составлению отчета и к фактической ревизии.

Вся эта драма объясняется большой запущенностью и большими нечистоплотностями во время единодержавного правления Ал. Ив-ча. Лидия Валериановна предана ему как-то по-собачьи и страдает в значительной степени из-за него. Дело идет о прямом недочете в кассе и о разных «неправильностях» в распоряжении деньгами журнала. Мне все это дело стоит много времени и настроения, но, наконец, оно будет и выяснено, и налажено... Хуже всего грязный осадок на душе и подозрения невольные, но часто превосходящие действительность... Я виню себя в том, что у меня не хватило энергии давно уже сделать

этот переворот. Но в первые годы (с 1896) я был болен и, вдобавок, приходилось вести эту борьбу с Писаревым через Михайловского, который ему доверял слепо и очень страдал бы при этих передрягах... Между тем, дело затягивалось и самые «неряшливости» вырастали...

12 мая 1904, Петербург

6 мая мы отправились все в Ревель, к Ник. Фед. Анненскому. 7-го и 8-го происходили заседания «общего собрания пайщиков “Русского богатства”», и в это время произведен фактически переворот внутреннего строя журнала: Писарев (которому пришлось выслушать много неприятного) из единоличного распорядителя судьбами журнала — превращается в исполнителя постановлений общего собрания, под постоянным контролем хоз[яйственного] комитета...

Я лично выигрываю много в том смысле, что для беллетристического отдела получаю двух помощников-товарищей (Мельшин¹¹ и Горнфельд¹²). Бремя этой работы (приходится не только читать, но часто и сильно редактировать рассказы, которые иной раз поступают лишь в виде материала) — в последнее время становилось совершенно невыносимым...

Кроме того, вошел в редакцию А. В. Пешехонов (по внутреннему отделу). Таким образом, хотя договор еще не составлен, но фактически «Русское богатство» стало журналом, так сказать, артельным. Я являюсь только одним из равноправных членов товарищества, без каких бы то ни было преимуществ перед остальными. За мной остается (надеюсь, — только *пока*) некоторое «руководство» в беллетристическом отделе, как за Николаем Федоровичем — во внутреннем.

¹ Раскол в редакции «Русского богатства» назревал в течение всего 1894 года, но официально закреплён протоколом общего собрания пайщиков 4 декабря 1894 года, когда *Сергей Николаевич Кривенко* (1847—1906) — народнический журналист, в прошлом близкий друг Михайловского, вышел из редакции и из состава пайщиков журнала.

К. Станюкович был членом редакции в более ранний период, до прихода в журнал Михайловского в октябре 1892 года.

² Короленко явился в Петербург в ноябре 1892 года и участвовал в собрании, на котором «Русское богатство» перешло в руки обновленной редакции, возглавленной Михайловским. В декабре 1894 года Короленко стал литературным пайщиком (то есть часть гонорара от его произведений отчислялась в кассу журнала) и членом литературно-редакционного комитета издания, в июне 1895 года был утвержден официальным издателем «Русского богатства», в январе 1896 года вслед за своим другом Анненским, вошедшим в редакцию в 1895 году, переехал в Петербург для непосредственного участия в делах журнала. И лишь в мае 1900 года Михайловский и Короленко были утверждены в звании официальных редакторов-издателей «Русского богатства».

³ *Сергей Николаевич Южаков* (1849—1910) — народнический экономист и публицист; литературный пайщик и член разнообразных организационных комитетов при редакции.

⁴ *Владимир Викторович Лесевич* (1837—1905) — философ, публицист.

⁵ В 1899 году «Русское богатство» было приостановлено на три месяца (май, июнь, июль) министерством внутренних дел «ввиду вредного направления» и «тенденциозного толкования законов» в связи с вопросом о правах финляндского сейма («Правительственный вестник», 1899, 5 августа), так как редакция отказалась дать опровержение о своей якобы искаженной ссылке на статью закона Российской империи. Подписчики были удовлетворены вышедшим в августе «Сборником журнала “Русское богатство”» под редакцией Михайловского и Короленко (СПб., 1899, тираж — 11000; в марте 1900-го — переиздан тиражом 1200).

⁶ *Лидия Валерияновна Кострова* (1861—1918) — конторщица «Русского богатства» с осени 1892 года до своей смерти; гражданская жена А. Иванчина-Писарева.

⁷ Анненский арестован 5 февраля 1904 года по ложному доносу о якобы произнесенной на могиле Михайловского «зажигательной речи» (Николай Федорович вообще не выступал), затем, уже по другому поводу (связь с заграничным союзом «Освобождение», ядром будущей партии кадетов), выслан 24 февраля в Ревель, где пробыл до конца 1904 года; возвращен по ходатайству Литературного фонда.

⁸ *Николай Францевич Даниельсон* (1844—1918) — экономист-народник, переводчик «Капитала» Маркса.

⁹ *Николай Александрович Карышев* (1855—1905) — народнический экономист, пайщик «Русского богатства».

¹⁰ *Алексей Васильевич Пешехонов* (1867—1933) — экономист-народник из земских статистиков, постоянный автор, а с 1904 года литературный пайщик и член редакции «Русского богатства». В 1922 году выслан большевиками из России.

¹¹ *Петр Филиппович Якубович* (псевдонимы: Л. Мельшин, П. Я. и др., 1860—1911) — деятель народовольческого движения, постоянный автор, а с 1904 года литературный пайщик и член редакции «Русского богатства».

¹² *Аркадий Георгиевич Горнфельд* (1867—1941) — критик и теоретик литературы, постоянный автор, а с 1904 года литературный пайщик и член редакции «Русского богатства».

ИЗ ПИСЬМА КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

1 сентября 1904, Полтава

Получил книжку «Р. Бог.» и сейчас же кинулся к Вашей статье, чтобы увидеть, насколько Вы меня «огорчили». Статей «Образования» я не читал. Судя по выдержкам, я не могу не признать, что Вы имели право на эту полемику¹. Статья написана живо, но — все-таки имею сделать следующее замечание: в Вашей статье есть некоторая разбросанность фронта. В полемике всего важнее, чтобы позиция была очищена. В крепостях ломают все деревянные пристройки. То же и в литературной полемике: нужно выяснить наиболее сильную позицию противника, отбросить мелочи, расчистить, даже, если нужно (это уже в крепостях не делают) — усилить доводы противника. И если после этого позиция взята, — это крепко. А Вы деревянных построек не снесли, наоборот — еще пристроили. Таковыми, например, я считаю цитату из моей заметки: я называю законченной и яркой глупостью курский проект китаевладения². Вы это применяете к статье Иорданского, о которой дальше сами говорите, что она не глупа и талантлива. Значит, Вы сказали то, что отстаивать не беретесь. Деревянная постройка. То же и веселые босяки³. Пара вышла очень милая, — но ведь Вы не хотите же сказать, что Иорданский и вообще наши противники — умственные босяки. Затем — конец, очень хороший и правильный. Но в нем слышится нота, которая составляла слабую сторону и в полемике Михайловского. Он рассматривал марксизм как своего рода квиетизм и политическое безразличие. Мы-то знаем, что фактически это не так, хотя логически иной раз и можно было строить такое заключение. Можно указать и еще несколько таких черточек, которые ослабляют центр аргументации. Читатель приступает к чтению и сразу думает: ну, таких уж явных, законченных глупостей Иорд. не говорит. Ну, босяк-то он не босяк, и потом: «Ну, ненависти к существующему

неустройству и у них достаточно». И вот уже впечатление ослаблено.

Впрочем, это все мелочи, но они указывают черту, которая составляет не Вашу только, а нашу общую полемическую слабую сторону. Перед самым почти марксистским периодом Михайловский начал было разбираться в самом народничестве. Я когда-то очень горячо в присутствии Успенского, Южакова и Мих-го доказывал, что самое слово «народничество» до того засижено «Неделей», «Юзовыми»⁴ да даже и В. В.⁵, что лучше было бы от него отказаться. Тогда С. Н. Южаков возражал, что слово хорошее и отдать его жалко, но Ник. Конст. согласился и вскоре, в заключение полемики с В. В. на страницах «Р. Бог.», заявил от имени своего, моего и Гл. Ив-ча Успенского, что мы готовы лучше отступить от клички, чем нести ответственность за благоглупости «правого крыла» народничества⁶. В таком положении застигло Ник. Конст-ча бурно-стремительное нападение марксизма. Понятно, что Ник. К-ч быстро сосредоточил свою артиллерию на новом противнике и палил уже по одному фронту, причем противники широко старались использовать аберрацию, распространявшую многие черты правого народничества на народничество (кличка осталась) Михайловского. Нам теперь следует трезво и спокойно расчислить эти «деревянные постройки». Что марксизм сконфузился и не удержал многих своих позиций, — это несомненно. Ну, а мы — удержали ли все позиции, которые считались, а отчасти и были народническими? Несомненно, нет. Что составляет сущность марксистской публицистики? Пренебрежение к интересам земледельской массы и преувеличение значения фабрики (и, заметьте, ее рабочих кадров). Что составляет сущность публицистики народнической (в период ее цельности)? Пренебрежение к фабрике, которая признается элементом только регрессивным, — и признание исключительного значения за кадрами крестьянства. Марксисты сбиты с их позиций, и «Туг[ан]-Бар[ановский]»⁷ насаждает в Лохвицком уезде куст[арные] промыслы». Но и нам нужно иметь мужество признать, что на точке зрения «народнического» отрицания фабрики и противопоставления «зловредного» города «здоровым» устоям деревни мы дав-

но не стоим, так давно, что Вы, вероятно, никогда и не стояли на этом. А Михайловский одно время, несомненно, стоял и потому аберрация продолжается. Вот эту-то работу снесения вокруг нас деревянных построек, давно ненужных и негодных, нам и нужно произвести, и полемика должна идти тоже к этому. И вот почему я считаю, что она должна быть сдержанной: мы не сделали еще кое-чего, что должны были сделать и что лучше делать без большой канонады. Вот когда мы это сделаем, положение выяснится, и противникам или придется признать, что воевать пока не из-за чего, или — остаться на своей очень слабой позиции и тогда наше дело нетрудно. В этом, кажется, все, что я хотел сказать о полемике.

¹ А. В. Пешехонов. Кое-что о молодости, жизнерадостности и... пустозвонстве (Русское богатство. 1904. № 8): полемика со статьей Н. Иорданского «В тисках идейной растерянности (По поводу книги г. Пешехонова "На очередные темы. Материалы для характеристики общественных отношений в России")» (СПб.: Изд. журнала «Русское богатство», 1904). Назвав Пешехонова «ярким и талантливым защитником ветхой крепости народничества», Иорданский упрекает его за «мрачные краски» в обрисовке «общего печального состояния русской жизни», в то время как марксисты, «оглядываясь на величавую картину разрушения всего традиционного и освященного веками», радостно восклицают: «весело жить!» (Образование. 1904. № 7. С. 24, 32).

² Пешехонов начинает свою статью цитатой о «законченной глупости», взятой из «Случайной заметки» (О. Б. А. [В. Г. Короленко]. Курский проект устранения желтой опасности // Русское богатство. 1904. № 7. Отд. II. С. 205).

³ В статье Пешехонова упоминаются золоторотцы под хмельком, «радостно приплясывающие и припевающие», что должно символизировать «победоносную борьбу марксизма с народничеством»: «это жизнерадостность за чужой счет — за счет народа», ибо многомиллионное крестьянство предполагается «пролетаризировать», что, якобы, будет «прямой дорогой ко всеобщему благополучию» (Русское богатство. 1904. № 8. Отд. II. С. 150—151).

⁴ Юзов (псевдоним Иосифа Ивановича Каблицы, 1848—1893) — публицист правого крыла народничества.

⁵ В. В. (псевдоним Василия Павловича Воронцова, 1847—1917) — экономист правого крыла народничества.

⁶ Михайловский отказался от клички «народника», но не от лица всей редакции, а лишь от лица своего, Гл. Успенского и Короленко,

причем отказался «не по существу, а просто потому, что слово это слишком захватано, и в него нередко вкладывают смысл, с которым мы имеем мало общего» (Русское богатство. 1893. № 2. Отд. II. С. 62). Однако наименование это осталось.

⁷ *Михаил Иванович Туган-Барановский* (1865—1919) — в 1890-е годы экономист марксистской ориентации, которая рассматривала кустарничество как «мелкособственнический» слой, подлежащий «пролетаризации». Короленко в «Павловских очерках» (1890) подчеркивал в кустарничестве стремление народа к хозяйственной и личной самостоятельности, порождающей целый пласт необходимых для жизни ремесел.

ИЗ ПИСЬМА П. Ф. ЯКУБОВИЧА — КОРОЛЕНКО

8 сентября, 1904, ст. Удельная

Весьма огорчительно, конечно, перспектива — не дать в нын[ешнем] году читателям «Р[усского] б[огатства]» Вашего рассказа, но — что же с этим поделаешь! Ведь это один только Ал[ександр] Ив[анович]¹ может глядеть на художника, как на машину, да еще и ответственную машину, и обвинять Вас чуть не в семи смертных грехах по поводу долгого беллетристического молчания. Но как «совместить» Ваше художественное творчество с журнальными обязанностями и вообще с житейской прозой — это, действительно, большой и сложный, прямо даже «роковой» вопрос, и я тем лучше понимаю и тем ближе принимаю к сердцу, что и сам ведь, какой ни на есть, художник и страдаю от того же вопроса... Не совсем понятны мне только следующие слова Вашего письма: «В октябре, конечно, приехать могу, но товарищи должны быть готовы к тому, что я осенью никакой беллетристики не дам». Значит ли это, что если мы отложим собрание до ноября, — Вы надеетесь дать рассказ? Дальше Вы пишете, однако, что нуждаетесь в «сосредоточении на одном деле месяца на два, на три», — выходит, как будто, что один месяц отсрочки Вам все равно не поможет? <...>

Ал[ексей] Вас[ильевич] дал мне прочесть Ваше последнее письмо к нему по поводу полемики². Я лично уверен, что практические отношения наши в этом направлении, в конце концов, наладятся. Главное, чтобы были между нами полная откровенность и искренность, а с Ва-

шей стороны я их вижу... Но что касается теории, то кое в чем никак не могу согласиться с Вами. В стремлении примирить марксизм и народничество и отыскать равенство в уступках того и другого направления духу времени Вы, мне кажется, слишком перегибаете палку в одну сторону — у противника видите чересчур много сильных, а у друзей — слабых сторон. Несомненно, что от народников 70-х годов (или, вернее, первой половины этих годов) мы многим теперь отличаемся; но мы ли — живущее и действующее *сейчас* поколение народников — претерпели это изменение? Не только люди возраста Ал. Вас-ча, но и значительно старшие, например, я — почти неповинны уже в крайних увлечениях начала 70-х годов: я почти не помню, чтобы абсолютно не признавал когда-либо значения за русским капитализмом и, тем более, отрицательно относился к рабочему движению, — о враждебном отношении и говорить нечего*! Но даже и сам Михайловский в 70-х годах лишь *условно*, подобно Марксу, признавал возможность для р[усского] народа миновать стадию капиталистического развития: если, мол, дать р[усской] интеллигенции сейчас же полный простор, то русский народ, быть может, и не будет съеден буржуазией... Не забудьте также, что он первый из народников 70-х годов заговорил о необходимости политической деятельности... Ошибки и проступки марксизма у нас у всех в памяти, и поворот марксизма к признанию крестьянства одним из необходимых элементов борьбы, к признанию за ним человеческих и общественных прав, — этот поворот еще не завершившийся окончательно факт. Вокруг этого вопроса еще идет борьба. А что писалось и говорилось совсем, совсем недавно — не условно только, а самодовольно категорически, — ведь, право, стыдно вспомнить. Нет, я никак не могу «простить и забыть», не могу отказаться от своего прежнего взгляда на «марксизм», как на движение *тлетворное*... Не будь его — молодежь после долгой мертвенной спячки 80-х годов пошла бы вперед по прямой — пре-

* Марксисты относились к крестьянству прямо враждебно.

рванной этими межеумочными годами — линии; марксисты повели ее далеко в сторону и для меня не утешение, что это была левая, а не правая сторона... И никаких принципиальных заслуг их перед р[усской] мыслью я не признаю! Ничего, кроме горьких и порой злых чувств к ним не питаю. Николай Константинович и умер с этими чувствами: смело утверждаю это, так как за сутки до смерти он признавался мне в этом.

И однако же, за всем тем, я с Вами согласен, что полемизировать с марксистами мы должны лишь в редких, исключительных случаях особенной назойливости и развязности с *их* стороны, — думаю так по очень простой причине: общественное мнение все равно уже не на их стороне, песня их спета; само движение бродит, как разоренный муравейник, перестраивается, быстро видоизменяется, растекается по отдельным руслам.

Вы желаете прочно установить главные наши позиции. Мне тоже думается, что не мешает это сделать, и я почти уверен, что наша программа в общем сойдется. Вот только относительно прошлого, близкого прошлого, мы, по-видимому, резко расходимся и потому «историю» лучше пока оставить в покое.

¹ А. И. Иванчин-Писарев.

² См. предыдущее письмо.

ИЗ ДНЕВНИКА В. Г. КОРОЛЕНКО

1 ноября 1904, Петербург

Я подал в Гл[авное] упр[авление] по делам печати просьбу об освобождении «Р[усского] бог[атства]» от предварительной цензуры¹. Ник. Андр. Зверев² принял ее довольно холодно. Зверев, бывший профессор, бывший сотрудник «Моск[овских] вед[омостей]» и «Русского вестника», также бывший сотрудник либеральной «Русской мысли», бывший товарищ мин[истра] народного просвещения, потом... начальник Главного управления по

делам печати. Шел туда неохотно, из приличия пожимая плечами. Войдя стал прижимать, как и другие, не токмо за страх, но и за совесть. Он родом крестьянин, выкормок арзамасских Хотяинцевых³, крепостников и реакционеров. Меня, вероятно, помнит по встрече в Москве и — по моим статьям о гг. Хотяинцевых в местных газетах. Принял меня с любезной холодностью. Ничего не может обещать, так как о том же просят и другие...

Мы решили, чтобы парализовать несомненно отрицательное заключение сего бывшего профессора, — подать еще записку Св.-Мирскому⁴. Фед. Дмитриевич Батюшков очень настаивает, чтобы я «поговорил с Мирским» об общем положении. Я решительно против: помимо того, что не полагаюсь в этих делах на действие красноречия вообще и своего в частности, — думаю, что разных непрошенных советников и без меня довольно. Но о *своем* партийном деле, разумеется, поговорить можно.

6 ноября 1904, Петербург

Вчера я, наконец, видел Св.-Мирского, хотя это и стоило некоторого труда. Народу масса. Третьего дня (4-го), войдя в нижнюю приемную, где записываются желающие видеть министра, я прежде всего заметил А. П. Субботина⁵. Человек вида непривлекательного, всклоченный, с огромной бородой, производящей впечатление какой-то неопрятности. Такое же впечатление неопрятности получается и от нравственного облика этого господина. Издатель какого-то убогого финансово-экономического журнальчика, дающего, конечно, одни убытки, он по временам пишет либеральные статьи и, говорят, сводничает по финансовой части... Вообще, личность неопределенная*. У него под мышкой был портфель. Увидев меня, он тотчас же подошел, и слегка не то шепелявя, не то картавя, завел либеральный разговор.

* В газетах напечатано, что он же является «редактором» какой-то «Галереи современников», в пользу «Кр[асного] Креста».

— Вы придаете какое-нибудь значение «эпохе доверия»... Я никакого...

— А здесь вы зачем?

— Хочу подать записку об общем положении печати...

— Но ведь вы же не придаете значения...

— Все-таки считаю своим долгом...

Он раскрывает грязноватый портфель и вынимает совсем грязную записку, переписанную на ремингтоне, но уже захватанную и засаленную. Кладет ее на стол (в соседней комнате, куда мы вошли, когда чиновник сказал, что сегодня записываться уж поздно) и как-то любовно раскрывает записку. Я вижу, что мне грозит перспектива ознакомления с «либеральной запиской» в поучение новому министру. И действительно он своим невнятным голосом начинает прочитывать «места». Речь идет о Крушеване⁶ и о том, что его статьи против евреев подходят под такие-то статьи улож[ения] о наказаниях. Я замечаю пометки.

— Удобно ли подавать в таком виде, — [говоря] , чтобы прервать истечение этого либерализма со статьями уложения.

— А это... видите ли... я уже подавал министру такому-то и еще... А, пожалуй, — переписать в самом деле...

На днях к нам (Ник[олаю] Фед[оровичу] и мне) явился некий Коломийцев⁷, отрекомендовавшийся профессором метеорологии, и заявил, что он уже попал в «тайные советники» Мирского. Явился к нему и «предложил свои услуги». — Вы хотите поступить на службу? — спросил Мирский.

— Нет, но сочувствуя благим начинаниям вашего с[иятельств]ва...

Мирский будто бы сказал, что он хотел бы «что-нибудь сделать для печати». — «Вы знакомы с этим вопросом?»

— Нет, но легко могу ознакомиться...

И вот этот господин «ходит по литераторам» и собирает материал для «записки».

— Вы составили себе какое-нибудь мнение? — спросил Николай Федорович.

— Да, я кое-что набросал.

Набросал он удивительную дичь: нужна цензура не предварительная, а предупредительная... Каждое издание уже по напечатании поступает в цензуру и, если там будет замечено что-нибудь вредное, — задерживается.

— Послушайте, — говорит Ник. Фед., — ведь вы рекомендуете то, что уже есть и что, к счастью, по отношению, например, к газетам не исполняется.

— Да, знаете... я вот и пришел посоветоваться.

Мое мнение — с этим господином не вступать ни в какие разговоры, так как очевидно, что он пролагает себе, под шум речей о доверии, не совсем обычную карьеру...

Теперь встреча с Субботиным. Я очень рад, что никто не делал никаких попыток устроить «частный прием»... Официальный прием, правда, неприятен. Во 1-х, швейцар делает попытку не пустить меня «наверх», где, собственно, и происходит самый прием.

— Но вот ведь сейчас вы пропустили?

— Это дело другое-с... Это виц-губернатор...

Таково первое впечатление от приемной «доверяющего министра». Не знаю, как бы кончилось это грубое вмешательство министерского холуя, сортирующего публику у входа, если бы в это время тут же не случился чиновник. Он взгляделся в меня и спросил:

— Г-н Короленко? Вы записались третьего дня?

— Совершенно верно.

— Пожалуйста.

В гостиной наверху меня записали опять. Между тем она стала наполняться господами с лентами и в шитых камергерских мундирах. Камергер необыкновенно толстый, камергер необыкновенно тонкий, несколько средних. Какой-то глухой сановник в ленте, жандармский полковник, приятно звенящий шпорами, и затем уже несколько дам и несколько черных сюртуков. Рядом со мною сидел инженер, оказавшийся редактором «Правды»⁸, с таким же делом, как у меня, и еще я увидел — кн. В. В. Барятинского⁹.

Очередь не соблюдалась. Сначала вызвали в кабинет господ с золотым шитьем. Потом глухого сановника, который вышел очень довольный и очень громко делился с дежурным чиновником своей радостью:

— Сказал: позову... если понадобится, позову...

Затем была принята какая-то дама, уверенно впорхнувшая в приемную [на] минуту...

Наконец — я...

Св.-Мирский в серой форменной тужурке встал на встречу и спросил:

— С кем имею честь?

Я назвал себя и сказал:

— Я подал просьбу в Гл. упр. об освобождении журнала «Р[усское] бог[атство]» от цензуры предварительной. Зная, отчасти взгляд Гл. упр., а также что обыкновенно эти дела, даже дела о закрытии журналов, решаются по односторонним заключениям администрации...

Министр, вероятно, подумал, что я буду ему читать лекцию, и остановил меня:

— Позвольте. Для сокращения разговора... не убеждайте меня, что положение печати ужасно... Я знаю: оно невозможно. И единственный выход: изъятие печати из-под административного произвола и [в] исключительной зависимости [ее] от закона...

— Это действительно то, чего мы все ожидаем давно и страстно... Я не буду стучаться в открытую дверь, тем более, что пришел я по своему партикулярному делу: хлопотать о снятии цензуры с моего журнала... Я предвижу обычные возражения цензурного ведомства и хотел бы вот в этой записке представить свои соображения.

И я вкратце изложил содержание записки.

— Да, но согласитесь, — сказал Св.-М., — что изменить общее положение печати — это большая законодательная работа. А пока я должен все дела проводить через то же Гл. управление.

— Статья 6-я устава цензуры дает вам право освободить из-под цензуры отдельные органы.

— Да, я знаю...

— Моя просьба состоит в том, чтобы вы применили это право. Те самые возражения, которые делает начальник Гл. упр., — мы толкуем в противоположном смысле; вам укажут, вероятно, на массу статей, задержанных у нас цензурой, как на «пресеченные покушения на преступления». Мы же видим в этом напрасное насилие над нашей

мыслию. Затем, моя просьба — не единственная. И теперь в вашей приемной ждет очереди один из моих товарищей. Это показывает, что всем нам тяжело. Наконец, вам укажут на то, что мы потерпели кару даже и под цензурой. Но это особенно ярко рисует всю несообразность положения...

Я вкратце изложил инцидент с нашей приостановкой¹⁰. Он опять согласился, что это «Бог знает что».

— Наконец, В[аше] С[иятельство]во, я позволю себе указать на то, что мы до сих пор не получили никаких фактических облегчений и чувствуем гнет растерявшейся цензуры еще сильнее (нам прямо говорят, что никаких указаний в смысле облегчения не получали).

— Просьба, с которой я к вам обращаюсь, князь, есть минимальная просьба, с какой только может к вам обратиться русский журналист... И отказ в ней будет понят цензурным ведомством, как лозунг, для подцензурной печати очень неблагоприятный.

— Да, да, это правда, — сказал он с несколько озабоченным видом, — это правда... Я поговорю с начальником Гл. управления и надеюсь, надеюсь, что это будет сделано.

Я откланялся. Князь любезно сделал несколько шагов к дверям. Видимо, прием нужно было считать очень любезным, потому что оба чиновника особых поручений у дверей с изысканной любезностью расшаркались, протягивая руки...

Св.-Мирский — человек небольшого роста, с добрым, пожалуй, приятным, несколько болезненным лицом. На меня он произвел впечатление человека не глупого, пожалуй, сознающего «невозможное положение», но совершенно лишённого той твердости, которая в «невозможном положении» России необходима. Все, начиная с холуя, почтительно пропускающего генералов и грубо останавливающего простых посетителей, и кончая этим «поговорю с начальником Гл. управления», — говорит о мягкотелии, а не о твердости. Нужен переворот сверху, во избежание переворота снизу. Но Св.-Мирский нимало не напоминает человека каких бы то ни было «переворотов»...

Когда я опять надевал шубу в нижней приемной, чиновник убеждал какую-то даму:

— Уверяю вас, вам надо к Рыдзевскому¹¹. Все эти дела у него. Князь в них не вмешивается.

«Эти дела» — это аресты, высылки, надзоры и все полицейские безобразия административным порядком. Мирский отклонил их от себя в такой степени, что Рыдзевский стал чуть не самостоятельным министром. Таким образом «административный порядок» может идти совершенно независимо от «нового курса». Св.-Мирский заботится о «чистоте рук» совершенно так, как заботился об этом Пилат...

¹ Эта записка Короленко от 3 ноября 1904 года приведена В. Евгеньевым-Максимовым в статье «Из истории "Русского богатства" (К двадцатипятилетию журнала)» (Русское богатство. 1917. № 11-12). Заключение об отказе Главного управления по делам печати помечено 27 ноября 1904 года, но официальное уведомление Короленко получил лишь в июне 1905 года (там же. С. 75).

² *Николай Андреевич Зверев* (1850—1917) — начальник Главного управления по делам печати в 1902—1904 годах.

³ *Дмитрий Васильевич Хотяинцев* и другие члены этой нижегородской дворянской фамилии служили в земских и муниципальных учреждениях. Старший был директором Александровского дворянского банка, о махинациях которого Короленко писал в 1891 году в казанской газете «Волжский вестник» (отд. изд.: О Нижегородском Александровском дворянском банке. Н. Новгород, 1891).

⁴ *Петр Дмитриевич Святополк-Мирский* (1857—1914) — князь, министр внутренних дел с 26 августа 1904 года по 18 января 1905 года; с ним связана так называемая «эпоха весны и доверия», ознаменованная «банкетной кампанией» либерально-демократической интеллигенции.

⁵ *Андрей Павлович Субботин* (1852—1906) — публицист и экономист.

⁶ *Паволакий (Павел) Александрович Крушеван* (1860—1909) — черносотенный публицист, организатор бессарабского отделения «Союза русского народа».

⁷ *Даниил Васильевич Коломийцев* (1866—1915) — журналист без образовательного ценза и определенной политической ориентации, стремившийся получить разрешение на издание собственной газеты.

⁸ Ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни, выходивший в Москве (редактор-издатель В. Кожевников).

⁹ *Владимир Владимирович Барятинский* (1874—1941) — драматург, журналист, издатель петербургской газеты «Северный курьер», закрытой в 1900 году за «вредное направление».

¹⁰ См. примеч. 5 к дневниковой записи Короленко, май 1904 года.

¹¹ Константин Николаевич Рыдзевский (1852—1929) — товарищ министра внутренних дел в 1904—1905 годах, начальник полиции и отдельного корпуса жандармов.

В. В. РОЗАНОВ — КОРОЛЕНКО

[5—7 апреля 1906, Петербург]

Милостивый Государь, Владимир Галактионович!

Не можете ли Вы мне помочь — советом, указанием, готовностью, мотивированным отказом? — в затруднении, в котором сам я никак не найдусь и даже не понимаю, что мне нужно делать или что можно сделать. Написал я статью «Ослабнувший фетиш»¹, я — думаю — ни для кого не оскорбительную, где выясняю историко-философски, что не содержится никакой *личной*, так сказать, *фамильной*, [причины]* какого-нибудь студента, учителя, латыша и пр[очих] всех в *ослабленности у него* лично чувства Государя как личности и должности — ибо это есть мировой факт, как перемена климата в стране, как высыхание больших озер в Азии и проч.: а — *за общее не судят*. Мне думается, этому мировому течению до того все подчинены, что Государь сам не имеет того *самоощущения*, как Александр I, Николай I, даже Александр II, в коих «фетиш» был еще очень силен, и это был просто **факт**, которого теперь **нет**. Как сердиться на *метель улицы*, за туман на улице или за ясную погоду?! А у нас судят, судятся. Все это, мне кажется, мне сказалось хорошо, т.е. с убеждением и увлечением, так что, писавши, я подумал: «это бы Государю надо прочесть, и тогда он сам перестал бы сердиться за ослабление у нас всех монархических чувств!» Словом, рассуждения бывают удачные и не удачные, но это *вышло* (удача, без всякой моей заслуги) удачно.

Предложил я его в «Полярную звезду»², и оно было уже после кой-каких колебаний принято: но сегодня получаю статью обратно, с уведомлением, что они боятся

* В письме пропущено слово (*ред.*).

вновь потерять право издания, претерпевши за статью Штильмана³ на ту же тему, на какую написана моя статья.

И вот я прибегаю к автору «Слепого музыканта» и «В дурном обществе», зная, что нашлось у него местечко для пана Тыбурция, — найдется и для недоумевающего литератора — ответить: как поступить? Ничего нет тяжелее, как устраивать свои статьи. То — непонимание, то — равнодушие. Ведь у меня музыка-то вышла: а как и где ее играть? Была мысль послать или в «Русскую мысль», или к Вам («Рус[ское] бог[атство]»). Все литераторы нетерпеливы — и пишу Вам. Конечно, у Вас 1000 дел. Но у кого их мало? И ведь же помогать мы друг другу должны? Если бы Вы согласились прочесть? Еще лучше — напечатать?

Будьте добры ответить Вашему покорному слуге Василию Васильевичу Розанову, С-Петербург, Шпалерная ул., д. 39, кв. 4.

С почтением

В. Розанов

Датируется по помете Короленко о получении письма. Пометы об ответе нет; видимо, Короленко не счел нужным вступать в переписку с лицом, о котором писал 3 января 1911 года: «Опять какое-нибудь тартюфство этого сладенького лицемера, либерального ретрограда. Его положительно лучше иметь открытым врагом» (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л.: Сеятель, 1924. С. 47).

Розанов мог обмолвиться: «Короленку — люблю» (Обидчик и обиженные // Новое время. 1909. 3 октября). С другой стороны, находил в Короленко черты, отсутствующие в реальном облике: «какой-то угрюмый и, может быть, не умный», «несколько сумасшедший», сомневающийся Гамлет в партии с.-д. (так, без разбора, Розанов именoval все левые партии). «Я с ним раз и минутно разговаривал в Таврическом дворце. Несмотря на очарование произведениями, сам он не произвел хорошего впечатления (уклончив, непрямо)» (Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. С. 473—474).

¹ Статья «Ослабнувший фетиш (Психологические основы русской революции)» написана в феврале-марте 1906 года и опубликована отдельной брошюрой (СПб., 1906). Еще 9 июня 1900 года Короленко писал Батюшкову, что в искренность и устойчивость нынешней, «плоско-либеральной», фазы Розанова не верит: он просто «начинает упражняться в другом направлении <...> Придет новая минута, и он скажет: “Э! да ведь я опять ошибался. За настоящие-то перья держатся именно консерваторы!” Бог с ним и с его

либеральной эволюцией. Дело это пустое» (Короленко В. Г. Письма. 1888—1921. Пб.: Время, 1922. С. 150—151).

² Еженедельный общественно-политический и культурно-философский журнал (СПб., 1905—1906; редактор П. Струве, издатель М. Пирожков). Розанов был объявлен в числе постоянных сотрудников, поместил статью «Русская церковь»: «...все христианство <...> гаснет, догорая, и уже во многих местах только чадит, дает зловоние и угар» (Полярная звезда. 1906. № 8. 3 февраля. С. 539; редакция нашла нужным оговорить, что «отнюдь не отождествляет себя» со всеми взглядами автора).

³ Григорий Николаевич Штильман — публицист, по образованию юрист, эсдек; имеется в виду его статья «“Самодержавие” и Божья милость (Историческая параллель)» (Полярная звезда. 1906. № 13. 12 марта); на № 14 журнал прекратился.

КОРОЛЕНКО — П. Ф. ЯКУБОВИЧУ

[сентябрь?] 1907

Дорогой П[етр] Ф[илиппович].

Вы рассердились совершенно напрасно. Никогда я не отрицал, что другие партии преследуются правит[ельством] больше, чем кадетская, И если я говорил, что кадетские *позиции* составляют центр правительственной атаки в наст[оящее] время, то разумел именно то, что признаете и Вы: все остальное сметено и загнано в подполье. На поверхности политической жизни из открыто действующих левых партий и программ осталась еще кадетская. Правит[ельство] понимает, что она имеет большие корни в широких кругах «общества», горожан и отчасти даже в крестьянской среде. Поэтому понятно, что, хватая и всячески расправляясь со всеми более левыми, — оно очень озабочено вопросом о кадетях. *Так* расправляться с ними нет прямых поводов, и это сердит еще больше. Вообще, между прямыми преследованиями (в форме тюрем и проч.) и реальным значением партии прямой зависимости установить нельзя, и, значит, это Ваше возражение ко мне не относится. Кадеты грешны во многом, много ошибок делали и другие партии, действовавшие прямее и смелее кадет. Нужно вынести из этого опыта соответствующие поучения. Кадеты должны понять, что отрицательные задачи, вроде оберегания Думы во что бы то ни

стало, — не дают ничего. Левым нужно понять, что немедленная социализация всех областей жизни есть только повторение (славянофильской по существу) сказочки об Иванушке, который без наук все науки превзошел* и может без просвещения, без политического опыта и культуры разрешить одним махом сложнейшие вопросы социального строя, над которыми так тяжело работает европейская мысль и европейский опыт в более свободных условиях. Я с удовольствием помышляю об огромных успехах, какие народное сознание сделало в эти два-три года. Но в то же время нисколько не сомневаюсь, что это показывает лишь природные способности новичка в политической культуре и никогда (или по крайней мере со времен юности) не думал, что наш народ уже готов стать учителем удивленного мира, как это думает даже европеец Каутский¹. Поэтому я убежден (и в этом, если хотите, подхожу к кадетам), что наша *революция* даст в конце концов широкую *реформу*, политическую и аграрную, а дальнейшее будет уже делом эволюции.

Черновик или авторская копия письма. Позднейшие пометы Короленко: «Кому?»; «1907 — Якуб.»; «П. Ф. Якубовичу». Беловик, видимо, отослан адресату, где и погиб со всем архивом Якубовича, оставленным в петроградской квартире на время гражданской войны.

¹ *Карл Каутский* (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии.

ИЗ ПИСЬМА П. Ф. ЯКУБОВИЧА — КОРОЛЕНКО

2 марта 1909, Петербург

Не понимаю все-таки, почему Вы так упрямо твердите: «без крайности не перееду. Тогда я пропал!» С какой стати Вы пропали бы? Наоборот, Вы бы лучше здесь себя чувствовали, в этом я убежден. *Теперь* Вы не так бы здесь

* У Короленко описка: *произошел* (ред.)

устроились, как когда-то. Поселились бы, прежде всего, в Ц[арском] Селе или в Лесном, в Шувалове, где так же отлично могли бы рубить дрова и чистить сапоги, как и в Полтаве. И отнюдь никаких «заседаний» не было бы. Я вот ни в каких заседаниях, по своей болезни, нигде и никогда не бываю, и никто меня силой не тянет, — почему же с Вами было бы иначе? Устроили бы себе раз в неделю приемные часы в «Р[усском] б[огатстве]» — и этим все бы ограничилось <...>

Очень рад, что 1-й очерк моей «Зорьки» Вы одобрили¹; второй (февральский), кажется, много хуже, так как я был болен, когда переписывал, правил окончательно и пр. За то больше надеюсь на мартовский...

¹ Речь идет о первой части автобиографической трилогии П. Якубовича «На ранней зорьке» (Русское богатство. 1909, № 1—3; полностью трилогия опубликована в книге Якубовича «Повести о детстве и юности» — М.: Советская Россия, 1989). Мечта о «романе нашего времени» возникла почти одновременно у Якубовича и Короленко («История моего современника») и почти одновременно стала воплощаться после революции 1905 года, когда цензурные рамки значительно расширились. Одобрительный отзыв Владимира Галактионовича не сохранился (см. примеч. к предыдущему письму).

КОРОЛЕНКО — Н. А. ГРЕДЕСКУЛУ

[26 августа] 1909,
мест. Сорочинцы (Полт. губ.), дер. Хатки

Глубокоуважаемый Николай Андреевич.

Чувствую себя до такой степени виноватым перед Вами, что мне совестно начинать это письмо, и перо в руке точно десятифунтовая гиря. Вышло это так: Ваше лестное для меня приглашение я получил перед самым отъездом в деревню. Передо мной было лето и полуотдых, довольно все-таки тесно загроможденный планами некоторых обязательных работ. Мне *необходимо*, во-1-х, приготовить на три книжки «Р[усского] богатства» вто-

рую часть «Истории моего современника», первая часть которой выпущена уже отдельным изданием и обязывает к скорому продолжению. Затем еще ранее я взялся написать о Гаршине для книгоиздательства «Мир»¹, о Мышкине для Шлиссельбургского комитета² и для «Р. Бог.» о смертной казни или... об интеллигенции. Мне очень не хотелось, однако, отказываться от Вашего приглашения, и я сказал себе: вот приеду в деревню, тотчас же примусь за работу, сделаю то-то и то-то, наиболее обязательное в такой-то срок, и тогда, вероятно, увижу, что могу выкроить часть времени еще... Ну, и... как всегда бывает летом, да еще при полтавских жарах — время полетело быстро, работа двинулась медленно, и, отсроченный «ненадолго», ответ затянулся.

К сожалению, чувствую, что едва ли справлюсь со всем, с чем нужно справиться раньше, чем приняться за новое обязательство. Боюсь оказаться обманщиком. Написать, как Вы пишете, 30 строк... Это еще труднее. Нужно очень хорошо проникнуться предметом, чтобы в 30 строках сказать о нем что-нибудь стоящее, а я именно боюсь, главное, что за это время не успею расчистить внимание от других тем настолько, чтобы отдать его данному предмету. Итак, если удастся — буду рад, но сильно боюсь, что не удастся.

Если позволите, — несколько слов о самом сборнике. «Вехи» имели шумный успех. Их читали не только те, кто разделяет их основную точку зрения (или, вернее, основную ноту настроения), но, пожалуй, еще больше те, кто с ними не согласен. Русская жизнь задержана слишком долго на азах, и нам поневоле приходится долбить, что дважды два — четыре. А это, конечно, старо и скучно. Вот и хочется послушать, как более или менее остроумные люди принимаются доказывать, что дважды два, хоть в некоторых случаях, будет пять. Это не значит, что слушатели им поверили, во-первых, а во 2-х, это не значит также, что те же слушатели с обновленным вниманием обратятся к «правильным» выкладкам. Поэтому я думаю, что Ваш сборник *такого* успеха иметь, пожалуй, не может.

Еще одно соображение детального свойства: В. О. Ключевский превосходный историк, но это не поме-

шало ему, как публицисту, в 1894 году произнести и напечатать восторженный дифирамб царствованию Императора Александра III-го³. А ведь это тоже своего рода «дважды два... пять» в политическом смысле: все узлы, которые теперь приходится разрубать, завязаны именно в то «благодатное» царствование. Едва ли поэтому В. О. Ключевскому удастся правильно оценить «наследство» без явного противуречия с оценкой «наследователя».

Во всяком случае желаю Вашему предприятию всякого успеха.

Искренне Вас уважающий

Вл. Короленко

Печатается по черновику письма с пометой Короленко: «Гредескулу. К статье об Антивехах». Черновик задним числом ошибочно датирован Короленко: «27 июля». Между тем, Владимир Галактионович отвечает на письмо *Николая Андреевича Гредескула* (1864–1939?) — профессор-юрист, тов. председателя 1-й Государственной думы, кадет — от 14 августа, на котором делает помету: «Отв. 26/VIII.09».

Гредескул предлагал Короленко принять участие в сборнике, где будет дан ответ на вопрос «правильно угаданный “Вехами”», но «неправильно, отчасти даже уродливо», решенный. Перечислив участников замышляемого издания (К. Арсеньев, Д. Овсяннико-Куликовский, П. Милуков, М. Ковалевский, А. Карташев, М. Туган-Барановский, акад. А. Шахматов, В. Ключевский и др.), Гредескул писал: «Вы — можно сказать, интеллигентское знамя, Вы — тип “правильного” интеллигента. Вы — ответ на все нападки “Вех”, можно было бы просто пальцем указать на Вас, произнести: “Вот вам интеллигент — его ли хотите распять?”» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 22. Ед. хр. 6). Предполагаемый сборник не вышел.

¹ Статья «Всеволод Михайлович Гаршин» написана для 4-го тома «Истории русской литературы XIX века» под ред. Д. Овсяннико-Куликовского (М.: Мир, 1910).

² Этот замысел биографии видного революционера-народника *Ипполита Никитича Мышкина* (1848–1885) был осуществлен в «Истории моего современника» (кн. 3, ч. V, гл. II). Изображая «страстотерпца революции», Короленко замечает, что в его непримиримой позиции «воюющей стороны» «было много болезненного» и «обреченного»: «у него не было самообладания и спокойствия, необходимого в борьбе. Поведение врагов представлялось ему в преувеличен-

но злодейском виде, и к себе он был беспощаден» (*Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 тт. Т. 7. М.: Художественная литература, 1955. С. 251, 253—255*).

³ *Ключевский В. О. Памяти в Бозе почившего Государя Императора Александра III. М., 1894.* Эта печатная лекция вызвала студенческие беспорядки в Москве и дневниковую запись Короленко 18 декабря 1894 года об авторе — «человеке даровитом и талантливом», проявившем «открытое холопство» (*Короленко В. Г. Дневник. Т. II. Полтава, 1926. С. 311—312*). В проекте Гредескула значилась статья Ключевского «Роль интеллигенции в освободительном движении».

ИЗ ПИСЬМА КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

5 февраля 1910,
Полтава

Дорогой Алексей Васильевич.

Простите меня, грешного старого ворчуна, если я огорчил Вас. Но, ей Богу, я «недоволен» не вами, а нами, т.е. некоторыми сторонами нашего общего дела. У нас есть писатели, но почти нет журналистов. Может быть, это свойственно всем «коллективам» нашего типа, что в таком коллективе отсутствует Вильмессан¹, т.е. настоящий редактор-издатель, который бы зорко следил за пробелами и за людьми, способными их заполнить. Идет такой человечек с нужной статейкой в голове. Он его сейчас цап. Затащил к себе, выжал статейку и отпустил с Богом. О Вернере² я написал потому, что он спросил меня письмом. Я письмо отложил и спрашивал у товарищей, чтобы на него ответить. Не получая известий об этой статье сам, думал, что не отвечено и Вернеру. Кроме того, наконец, надвигалась на меня инфлюэнца. Надо писать «Современника»³ и еще статью о «смертниках»⁴, а у меня с утра голова глупеет и пребывает в дурацком состоянии до вечера. Вечером отпустит, но я уже давно отучил себя от вечерней и ночной работы. Посидишь — потом долго нельзя заснуть. Наутро голова еще глупее. Теперь прошло, и «Современника» гоню в три шеи.

Посылаю Вам (одновременно с этим письмом или несколько позже) статейку Краснова (депутат 2-й Думы) под заглавием «Ходынка». Он, по-видимому, из мастеров

вых. Стил — своеобразная смесь некоторой неграмматичности с некоторым модернизмом. Но все-таки, по-моему, интересно. Я кое-где тронул карандашом во время самого чтения, но придется проредактировать еще⁵. Избавил я вас, корпусников, от огромного кита: статья Панова (известного корреспондента) о Персии⁶. Мне его прислала Анна Павл. Саввина (Кулябко-Корецкая), но в невозможном виде. Кит сей еще приплывет к вам, но, наверное, уже сильно уменьшенным и усовершенствованным. Найдете ли вы в нем интересный материал, — не знаю. Мне была прислана только часть. В ней была масса совсем не нужного, мало «несколько интересного» и намеков на возможность интереса в дальнейшем. Сей корреспондент-болгарин должно быть молодчага драться саблями и винтовками. Перо туповатое. Но видел, конечно, много интересного.

Ну, еще раз, дорогой Алексей Васильевич, простите, если огорчил Вас своей воркотней. Вас вон готовятся запрягать⁷, а я... Впрочем, еще верно не очень скоро. Меня уже спрашивали. Я кажется написал глупость: «Никаких *непосредственных* распоряжений не делал. Знаю, что брошюра была издана при прежних цензурных правилах и т. д.». Слово «непосредственных» слетело тут как-то самовольно. Отчасти мелькало в голове, что если за написание следуют скорпионы особые, а за распространение особые, то зачем же наваливать на Вас одного обе сии породы. Но, кажется, соображение это глупое. Впрочем — неважно. Еще успеем обсудить. Если нужно будет «посредственные» распоряжения оставить за мною, — приму охотно. А не надо, так и не надо.

¹ Жан Ипполит Огюст Вильмессан (1812—1879) — французский журналист, основатель газеты «Фигаро».

² Ал. Вернер. Испанские впечатления (Русское богатство. 1910. № 5).

³ История моего современника.

⁴ Вл. Короленко. Бытовое явление (Заметки публициста о смертной казни) (Русское богатство. 1910. № 3—4).

⁵ Вас. Краснов. Ходынка. Рассказ не до смерти растоптанного (Русское богатство. 1910. № 8). В редакторской книге Короленко запись: «Местами вычурное, в модерн[истском] вкусе, местами не вполне грамотное описание ходынской трагедии. Автор — знакомый

Толстого, который не одобрил изложения. Можно проредактировать» (РГБ. Ф. 135. Разд. I. Карт. 22. Ед. хр. 1333. Л. 4об.).

⁶ В «Русском богатстве» не печаталось.

⁷ Суд над Пешехоновым состоялся 22 марта 1911 года за книги, изданные редакцией «Русского богатства»: «Хлеб, свет и свобода». (СПб., 1906) и «На очередные темы» (СПб., 1909). По совокупности и учитывая «смягчающие обстоятельства». Судебная палата приговорила автора к заключению в крепости на полтора года (РГБ. Ф. 225. Карт. I. Ед. хр. 23). Этот срок Пешехонов отбывал в Двинской крепости в 1912—1913 годах.

ИЗ ПИСЬМА Н. Ф. АННЕНСКОГО — КОРОЛЕНКО

СПб., Басков пер., 17. 20.I.1911

Дорогой Владимир Галактионович.

Исполнить Вашу просьбу и остановить «чествование»¹, Вас огорчающее, — не имел и не имею возможности. С самого начала, все время мне приходилось иметь дело не с предположениями, осуществлению которых можно помочь или помешать, — а со свершившимися фактами, которые нельзя вернуть в небытие, начиная с приобретения портрета², купленного еще ранее того, как дело огласилось и открыта была подписка. Приходится и Вам, дорогой друг, примириться с *фактом*. Я понимаю Ваши огорчения, хотя они и преувеличены, говоря по совести. Сам по себе факт поднесения портрета Вашего Вам и Вашей семье — ничего необычного в себе не заключает. Еще на днях редакция «Биржевых ведомостей» поднесла Ясинскому его портрет, писанный Репиным. А затем — ведь Вы сами участвовали в сборе на подарок покойному П. Исаев. Вейнбергу, которому в юбилей поднесена была его статуетка, сделанная нарочно для этого Гинцбургом. Меня в этом деле огорчает то, что вследствие полной неорганизованности его (почин принадлежал исключительно Фед[ору] Дм[итриевичу], одушевленному самыми лучшими чувствами, но плохому организатору), не получило оно тех размеров и той внушительности, какую могло бы иметь (тут, говоря в скобках, кроме недостаточной

умелости Батюшкова и Вы сами здорово посодействовали, а мы, Ваши ближайшие товарищи, были связаны по рукам и по ногам). В конце концов, несмотря на все шероховатости, вся сия затея исходит из хороших моральных побуждений и общественное ее значение со знаком +, а посему остается Вам только со смирением результаты оной претерпеть.

¹ В январе 1911 года русская демократическая общественность отмечала 25-летие возвращения Короленко из сибирской ссылки (ошибочно, нужно было в январе 1910 года). 24 января 1911 года Владимир Галактионович писал из Дубровки (саратовского имения родственников жены, где он скрывался от юбилея) Т. Богданович: «...бомбардируют телеграммами и письмами из Полтавы, требуют к принудительному чествованию» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 16а. Ед. хр. 8. Л. Зоб.).

² Короленко подарили его портрет, написанный Н. Ярошенко в 1898 году. Оригинал портрета погиб при оккупации Полтавы немцами во время Второй мировой войны.

Г. А. ЛОПАТИН — КОРОЛЕНКО

Fezzano, Italia. 15.II.1911

Дорогой Владимир Галактионович!

Приношу Вам и мое запоздалое поздравление с Вашим юбилеем¹ и сердечное пожелание еще долгой и плодотворной работы на собственное удовлетворение и славу, на пользу и усладу Ваших многочисленных и любящих друзей-читателей, «от них же первый есмь аз».

Просматривая и обсуждая с автором статью Амфитеатрова по этому поводу для февральской книжки «Современника»², — статью, которая в общем мне очень нравится и под основными положениями которой и я готов подписаться, — я живо вспоминал Вас и Ваши произведения, причем с удивлением узнал, что Амф-в не читал Вашей философской сказочки о Свободе и Законе («Необ-

ходимость»?)³, хотя имеет все Ваши книжки и хорошо знает и любит их, что заставило меня снова искренно пожалеть о том, что Вы не перепечатали до сих пор отдельно этот маленький chef-d'oeuvre в этом интересном и трудном литературном роде.

Шлю мой горячий привет Авдотье Семеновне и крепко жму руки Вам обоим.

Искренно Ваш

Г. Лопатин

Открытка послана на адрес редакции «Русского богатства». Дата поставлена по новому стилю.

Герман Александрович Лопатин (1845—1918) — революционер-народник, один из переводчиков «Капитала» К. Маркса; после 18-летнего заключения в Шлиссельбурге, в конце 1905 года получил свободу и какое-то время жил в помещении редакции «Русского богатства», где у него были старые знакомые по народовольческому подполью (Якубович, Иванчин-Писарев) и где конторщицей работала родная сестра В. Фигнер — Л. Стахевич. В 1911 году Лопатин жил в доме Амфитеатрова в Италии.

¹См. примеч. к предыдущему письму.

²*Амфитеатров А. В.* Пестрые главы // Современник. 1911. № 2; в статье Короленко назван «великим гражданином литературы русской» и «христианином паче Достоевского».

³*Короленко Вл.* Необходимость. Восточная сказка // Русское богатство. 1898. № 11; в ней, в аллегорической форме, содержалась полемика с марксистским историческим детерминизмом, этим «каменным болваном», спасение от власти которого заключено в «воле и усиллии» свободного человека.

ИЗ ПИСЬМА Н. Ф. АННЕНСКОГО — КОРОЛЕНКО

СПб., Басков пер., 17. 1.IX.1911

Сентябрьская книжка вышла, как кажется, недурная. О Столыпине ничего значительного, к сожалению, не успели приготовить¹. Ал[ексей] Вас[ильевич] начал хо-

рошо задуманную статейку, в которой хотел охарактеризовать «столыпинский период», но сорвался и ограничился несколькими строчками, посвященными характеристике только Столыпина². Вышло довольно густо, — но принципиально правильно. В будущей книжке он хочет вернуться к теме³. По-видимому, ничего опасного в книжке нет и, вероятно, проскочим на сей раз благополучно. Говорю «вероятно», ибо можно ли когда-нибудь быть уверенным! «Дух» в книжке все-таки дурной, а придаться к букве начальство всегда сумеет. У нас (не в «Р[усском] б[огатстве]», конечно) появились уже, впрочем, оптимисты, готовые приветствовать «новую эру», — для печати в частности. Какой-то интервьюер запрашивал уже меня по телефону (для газеты «Киевской мысли»), какие перспективы я вижу для печати со вступлением нового премьера⁴ и, видимо, изумился, когда я сказал «никаких». И действительно ведь — ничего в волнах не видно, не по отношению к печати только. Шум по поводу катастрофы со Столыпиным поднялся большой, но что изменилось в положении вещей? Вскрылся процесс разложения на двух полюсах: величайший крах «охранной» политики очевиден и для малозрячих. Очевидно также и разложение — если не революции, то, во всяком случае, террористических методов борьбы. Что такое Богров, остается загадкой, ибо все, что о нем пишут, идет из мутных источников, — но во всяком случае это явление глубоко патологическое и симптоматическое для общественной психологии переживаемого смутного периода. Но что же из всего сего получается действенного? Есть ли какие-нибудь признаки выхода из состояния общественного маразма? Увы — никаких. И сверху, и снизу все также тускло и серо. Вы пишете, что впечатление смерти Ст[олыпина], насколько Вам приходилось наблюдать, более глубокое и определенное, чем было ранее в аналогичных случаях⁵. Это наблюдение меня крайне заинтересовало. Здесь — увы — даже и чувства-то все какие-то вялые и точно вымученные. Следили ли Вы, например, за «Речью»? А ведь ведет ее теперь несомненно умный человек (Ганфман⁶ — оба редактора⁷ за границей)...

¹ *Петр Аркадьевич Столыпин* (1862—1911) — председатель Совета министров, был смертельно ранен анархистом *Дмитрием Григорьевичем Богровым* (1887—1911) 1 сентября и скончался 5 сентября 1911 года. Петрищев писал по этому поводу: «Председатель Совета министров и министр внутренних дел смертельно ранен охранявшим его агентом тайной полиции...» (Хроника внутренних дел // Русское богатство. 1911. № 9. Отд. II. С. 162).

² Пешехонов отмечал ум и решительность Столыпина, но не считал его деятелем, «определяющим исторические грани», хотя его называют «победителем революции» и даже «искренним сторонником конституции», защищающим ее от придворной камарильи (За уходящей волной (По поводу смерти Столыпина) // Русское богатство. 1911. № 9. Отд. II. С. 166—167, 169).

³ В статье «Не добром помянут» Пешехонов подводил итоги столыпинской политики: жестокость без оглядки на право и поощрение хищнических инстинктов, разрушающих в крестьянине социальные чувства; «начали с террористов и экспроприаторов», потом «охватили уже всех рабочих, всех крестьян, всех евреев, всех поляков, всех финляндцев»; «общинные земли были отданы на расхищение»; «ставка на сильных» была «ставкой на хищников» — «в их натиске на слабых и немощных» (разд. «На очередные темы» // Русское богатство. 1911. № 10. Отд. II. С. 126, 134, 135).

⁴ Председателем Совета министров назначен *Владимир Николаевич Коковцов* (1853—1940) — граф; занимал эту должность до 1914 года.

⁵ Письмо Короленко погибло вместе со всем архивом Анненского, оставленным в пустой квартире в Петрограде во время гражданской войны.

⁶ *Максим Ипполитович Ганфман* (1873—1934) — юрист, журналист.

⁷ *Иосиф Владимирович Гессен* (1866—1943) — юрист. *Иван Ильич Петрункевич* (1844—1928) — земский деятель.

ИЗ ПИСЬМА КОРОЛЕНКО — К. И. ЛЯХОВИЧУ

1 октября 1911, Хатки

То-то, должно быть, в заграничных газетах появилось небылиц по поводу уб[ийства] Столыпина. Для нас тут это совершенная загадка: по всем видимостям — убийца давний охранник? Что же его толкнуло на смерть? По-видимому, игрок по натуре, стремившийся к сильным ощущениям, как пьяница к водке, но — какое вырождение так называемого «террора». И с другой стороны — какой

«служебный» удар охране. Это последнее — самая характерная черта времени.

Константин Иванович Ляхович (1885—1921) — журналист, эсдек (меньшевик), муж дочери Короленко Натальи Владимировны; в это время жил во Франции, под Тулузой.

ИЗ ПИСЬМА КОРОЛЕНКО — ЖЕНЕ

15 ноября 1911, Пб. Кирочная, 29—11

Здоров. Работаю. Вначале в Петербурге сон немного расстроился. Теперь опять ничего, наладился, и я чувствую себя бодрым, несмотря на усиленную работу. Книжку мы почти закончили, а сегодня я сделал экстренную работу: здесь, в П-бурге, в кружке литераторов Арабажин¹, Арцыбашев², Чириков³ и еще другие (кто — не знаю) — затеяли выпустить обращение к обществу по поводу киевского дела и клеветы о «рит[уальных] убийствах»⁴. К нам, в «Р[усское] бог[атство]» не обращались. Узнав об этом, мы решили, что все равно поддержим это воззвание, т.е. подпишем, когда будет готово, и я напишу 2—3 странички по этому поводу в «Р. Бог.». Но в субботу меня попросил к себе О. О. Грузенберг⁵ (он теперь живет как раз против меня на Кирочной). У него я застал Арабажина, Чирикова и Милюкова. Арабажин и Чириков принесли черновую воззвания, а Милюков и Грузенб. ее совершенно раскритиковали в пух и прах. Остальное понятно: пусть напишет Короленко. Я уже написал. Кажется, вышло изрядно: выдержало коллективную критику товарищей по «Р. Богатству». Завтра утром перепишу, немного почищу слог, чуть-чуть сокращу и — отошлю Чирикову и Арабажину. Дальше — дело уже их: собирать подписи и прочее⁶. Завтра же принимаюсь за статейку для «Р. Бог.» по этому же предмету⁷. А если к тому времени подойдет от тебя «Голод»⁸, то и о голоде. А то Петрищев поднес нам нынче хронику исключительно о «мнениях» гг. октябристов⁹. Мнения тусклые, и хроника не ярче... Длинно, запутанно, неясно. Сила Петрищева была всегда в конкретных фактах. Он сначала стал их нанизы-

вать в силлогизмы, а теперь живые факты совсем исчезли. Остались тягучие рассуждения об октябризме, т.е., в сущности, ни о чем.

Короленко переехал в Петербург в связи с отбыванием в Двинской крепости годового срока «за литературные преступления» двух соредакторов по «Русскому богатству» — Пешехонова и Мякотина.

¹ *Константин Иванович Арабажин* (1866—1929) — критик.

² *Михаил Петрович Арцыбашев* (1878—1927) — писатель.

³ *Евгений Николаевич Чириков* (1864—1932) — писатель.

⁴ Речь идет о киевском процессе над евреем *Менделем Бейлисом* (1873—1934), по ложному обвинению в ритуальном убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского (процесс проходил 26 сентября — 29 октября 1913 года; завершился оправданием).

⁵ *Оскар Оскарович Грузенберг* (1866—1940) — адвокат и общественный деятель; вел судебные процессы «Русского богатства», был одним из защитников Бейлиса.

⁶ Отредактированный Короленко текст обращения «К русскому обществу (По поводу кровавого навета на евреев)» был напечатан и в «Русском богатстве» (1911, № 12): «И в наше время — как это бывало всегда — те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти <...> Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обагрялась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором». При этом добавлялось, что многие присылали свои подписи непосредственно в редакцию «Русского богатства» (отд. II. С. 165—166, 169). Среди подписавшихся были: К. Арсеньев, В. Короленко, М. Горький, Л. Андреев, М. Ковалевский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Е. Чириков, Д. Filosoфов, Ф. Сологуб, Ал. Толстой, С. Сергеев-Ценский, Ал. Блок, Ал. Бунуа, Н. Анненский, П. Мокиевский, Н. Рusanов, В. Семевский, А. Редько, Ф. Крюков, А. Петрищев, А. Пешехонов, С. Елпатьевский, А. Иванчин-Писарев, Ф. Батюшков, А. Filosofova, А. Калмыкова, В. Муйжель, М. Арцыбашев, Скиталец (Петров), М. Туган-Барановский, В. Набоков, Д. Овсянко-Куликовский, П. Струве, Н. Кареев, Ф. Зелинский, П. Милюков, П. Боборыкин, Н. Лосский, А. Шингарев, С. Ольденбург, В. Немирович-Данченко, Г. Чулков, А. Серафимович, А. Куприн, В. Засулич, Н. Морозов, Янко Купала.

⁷ *Вл. Короленко*. К вопросу о ритуальных убийствах: «черносотенная пресса кипит погромной агитацией» и, чтобы рассеять «эти средневековые туманы», нужен «настоящий суд» (Русское богатство. 1911. № 12. Отд. II. С. 183, 185—186).

⁸ Речь идет о газетных материалах о голоде 1911 года, собранных Короленко для предполагавшейся статьи.

⁹ В «Хронике внутренней жизни» (Русское богатство. 1911. № 11) А. Петрищев сосредоточил свое внимание на фактах, свидетельствующих о сумерках партии октябристов.

ИЗ ПИСЬМА КОРОЛЕНКО — ЖЕНЕ

26 ноября 1911. Петербург

Дорогая моя Дунюшка.

Вчера я тебе послал письмецо. Сегодня пишу несколько слов, чтобы тебя успокоить относительно моих адвокатских предприятий. Можно думать, что ничего этого и не будет: в газетах появились известия (в первом «Киевлянине» притом), что предание суду Бейлиса еще далеко не решено, может, и не состоится и т. д. Выдвигая меня, может быть, Грузенберг и имел в виду показать, что кое-как под шумок черносотенных воплей это дело провести не удастся, что оно будет освещено со всех сторон и т. д. Ну, а улики, говорят, никаких. Вот они там в Киеве и призадумываются. Срамиться не хочется. Значит, твой престарелый супруг на сей раз, пожалуй, выдвинут в качестве некоего декоративного пугала. Ну, а придется выступить, — чувствую, что справлюсь. Не совсем еще ослаб. Подчитываю кое-что, в том числе и черносотенное, и меня подмывает: ты ведь знаешь, что с черносотенцами поговорить я люблю.

КОРОЛЕНКО — В. Л. БУРЦЕВУ

1 января 1913, [Полтава]

Многоуважаемый Владимир Львович.

Мне сказали, что Вы интересуетесь моим мнением по поводу Вашего намерения приехать в Россию, чтобы легально, путем судебной борьбы и не уклоняясь от последствий, закончить здесь Ваши разоблачения азефовщины.

Я приложил все старания, чтобы отнестись к Вашему запросу с полной объективностью и с совершенным устранением всяких личных соображений и личного к Вам сочувствия. Мотивы Ваши мне глубоко симпатичны, так как я думаю, что мы в России недостаточно пользуемся даже доступными формами легальной борьбы. Ваш проект я понимаю так: на глазах у европейского общественного мнения Вы кидаете свои разоблачения, делаете вы-

зов и с ним направляетесь к русской границе. Здесь за Вами захлопывается дверь, но это не может помешать европейскому общественному мнению следить за Вашим делом. И Вы думаете, что этим путем добьетесь, что гласный вызов будет принят и противники не уклонятся от гласного судебного турнира.

Повторяю, что это мне глубоко симпатично, но все же, обдумав дело всесторонне и посоветовавшись с друзьями, я пришел к заключению, что делать этого Вам не следует. Это не нужно и бесполезно в настоящую минуту, и едва ли представится такая минута, когда это станет нужно.

Азеф¹ разоблачен Вами до конца и вполне. Его имя стало общеизвестным и нарицательным, и когда даже рептилии употребляют как нарицательное, то за ним тянется вереница представлений о глубоко безнравственной и заведомой эксплуатации азефовщины правительством. В этом смысле Вы ничего не прибавите — даже участие его в убийстве вел. князя² — ни в ком не возбуждает теперь сомнений. Вы докажете, что Столыпин в Думе говорил заведомую ложь?³ Ну, что ж? Столыпин лгал. Теперь Столыпина нет, а Коковцову вовсе не больно, если и будет доказано, что его предшественник из «высших соображений» говорил в Думе неправду об Азефе. Но главное — едва ли Вы еще что-нибудь докажете, кроме того, что уже доказали ранее с достаточной ясностью. А судебного приговора, нужного Вам, Вы все равно не добьетесь. Русские суды при конституции, — уверяю Вас, — не менее (если не более) гибки, чем были до нее, и отлично служат политике дня, начиная с «закрытия дверей» и кончая политическими приговорами. Да и добиться судебного разбирательства — дело более чем сомнительное.

Это мнение не только мое, но и всех, с кем мне приходилось говорить об этом, и я думаю, что здесь дело виднее, чем Вам, за границей.

Жму руку и желаю Вам всего хорошего.

Искренно уважающий Вас

Вл. Короленко

Полтава, М. Садовая, 1.

¹ *Евдо Фишелевич Азеф* (1869—1918) — провокатор, руководитель «Боевой организации» партии эсеров.

² *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, московский генерал-губернатор, глава придворной реакции; убит 4 февраля 1905 года на Сенатской площади в Кремле членом «Боевой организации» эсеров И. Каляевым.

³ Столыпин, отвечая на депутатский запрос об Азефе, утверждал 11 февраля 1909 года, что у того было «железное алиби» во всех результативных покушениях «Боевой организации» эсеров (Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая, часть II. СПб., 1909. С. 1418—1438).

КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

24 июня 1913, [Хатки]

Дорогой Алексей Васильевич.

Мой запрос относительно комитета был вызван очевидно вздорной замечкой, обошедшей газеты: будто Комитет организует «чествование», предстоят депутатии даже из заграницы и т. д.¹ Подозревал я, что это, вероятно, утка, но все же опасался, что что-нибудь может оказаться и правдой (если не относительно Фонда, то какого-нибудь другого учреждения или кружка). От моих друзей жду поэтому услуги: всякую такую попытку «организации чествования», предварительных обращений и указаний — куда можно присылать адреса и приветствия, вообще всякое подобие «провокации», напоминания, вызова — по возможности решительно прекращать в самом начале, насколько это от них зависит. Разумеется, это не относится к статьям журналов, газет и т. д. Препятствовать этому нет никакого права и основания. Нет также основания скрывать адрес перед теми, кто сам спрашивает. Вообще — пусть это дело идет своим естественным путем, без нарочитых помех, но и без малейшего вызова и предварительной организации. Говорю серьезно и искренно: последнее меня бы глубоко огорчило.

Колосов² писал и мне относительно своей статьи. Он просит возможно скорого ответа редакции. Как Вы решили? Мое мнение: его выходки по адресу «Р[усского] бог[атства]» имели характер личный. Теперешнее обращение к нам имеет в изв[естной] степени характер «Каноссы». Во всяком случае, инициатива не наша, но... если статья приемлема, — я бы высказался в положительном смысле. Мы, очевидно, сохраним ту же позицию: что годится — будем печатать, что плохо — отметить. Сообщите, как Вы решили?

Короленко, как всегда, относительно срока немного смухлевал. Статью³ пошлю завтра или послезавтра. Размер — немного менее листа.

Ваш Вл. Короленко

¹ Речь идет об инициативе комитета Литературного фонда, связанной с предстоящим 15 июля 1913 года празднованием 60-летия Короленко.

² Евгений Евгеньевич Колосов (1879—1937) — историк народнического движения, эсер, исследователь Михайловского, печатал статьи о нем и в «Русском богатстве» (1908, № 3 и 1910, № 2-3). Мякотин в безымянном отделе «Новые книги» дважды указывал недостатки его трудов. В книге Колосова «Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского» (СПб., 1912), несмотря на «напряженный труд» «горячего поклонника Михайловского», отметил «схоластический», даже «мертвенный», характер изложения, уводящего «от подлинного, живого Михайловского» и его позиции (Русское богатство. 1912. № 3. Отд. II. С. 120—121). При общей положительной оценке редакторской работы Колосова, подготовившего 10-й том Полного собрания сочинений Михайловского (СПб., 1913), Мякотин не минует критические замечания: пренебрежение к хронологии, неудачное деление на рубрики, произвольность тематики предметного указателя и др. (Русское богатство. 1913. № 6. Отд. II. С. 350—353).

³ Речь идет о статье Вл. Короленко «Третий элемент (Памяти Н. Ф. Анненского)», которая в июньский номер «Русского богатства» не поспела и была напечатана в июльском. В № 6 за подписью В. Кор. был некролог редактору «Русских ведомостей» — «Василий Михайлович Соболевский».

8 августа 1913, [Батылиман]

Шестидесятилетний юбилей... Больше 400 телеграмм¹. Множество писем от учреждений и частных лиц. Очень живо откликнулась адвокатура, учителя. Ругательных писем три-четыре. Два, в которых говорит дикая и бессмысленная злоба («ты сам *жит*, когда защищаешь жидов»). Какой-то однофамилец Ив. Короленко подписывается: «к сожалению, Ваш однофамилец». 12 полтавских рабочих с какого-то завода («Любимовский пост») пишут, что раскусили меня после 1906* года, поняли что «революция» была измена отечеству, продажа его японцам, англичанам и жидам. А вот они по-прежнему работают на жидов и бельгийцев... Подписей нет. Сильно подозреваю, что состряпано одним черносотенцем, посещавшим меня и приносившим нелепые произведения. Какой-то украинец-студент язвит меня за то, что я содействую русской литературе в ограблении укр[аинского] языка, называет меня врагом и спрашивает, зачем я живу в Хатках, среди украинских детей, которых обездоливаю. Письмо написано литературно, но неумно, противно, со всей националистической узколобостью. Или это у меня реакция на эти посягательства «филологического украинства» на мою душу. Они делают из национальности ярмо и ловят разных «....енков», вовсе не чувствующих себя украинцами, — как в старину ловили крепостных и их детей, переселившихся на другие земли. Эта неумная назойливость мешает мне порой, когда и являются побуждения заговорить о дурацких репрессиях против украинского языка.

В общем, ругательств мало, даже из черносотенного лагеря. В «Киевлянине» — признание таланта... «Мы все воспитывались на Короленке»!² — (не могу гордиться воспитанниками). В «Новом времени» Бурнакин (подражатель Буренина) выругался на обычном «каторжном» жаргоне³. Меньшиков — не ругается, а только язвит, очень неглупо и вполне прилично и умело⁴.

* У Короленко описка: 1896 (ред.).

Есть много трогательного и искреннего, много формального и шаблонного. Взволновал меня привет Тимирязева⁵ и еще несколько. Многие говорят обо мне, как о человеке... А я читаю это все и думаю: а что такое, в сущности своей, этот Короленко, — я не знаю и сам.

Теперь эта волна уже прошумела. Идет только похмелье и угар. Масса просьб. «Поздравляю и... прочтите мои стихи». — «Поздравляю и... пришлите мне 50 р., 1000 р., от 1500 до 2-х тысяч рублей». Один бедняга-чиновник пишет: «моя дочка спрашивает, — да что же это за Короленко, о котором все пишут в газетах. А я говорю: а вот это что за Короленко. Он даст тебе средства учиться в гимназии». Один малограмотный сапожник прислал истерическое письмо, где восклицает много раз: «откройте народу свет», т.е. дайте ему средства учиться...

Но особенно много просьб, относящихся к изв[естно-му] благотворителю Н. А. Шахову⁶. С тех пор, как он пожертвовал одну стипендию в университет Шанявского⁷ и назвал ее моим именем, — почти каждая почта приносит просьбы: «Просил Шахова. Он отказал. На Вас одна надежда. Он Вас послушает и т. д.». Один так и кончает: «жду от Вас помощи Шахова».

¹ В архиве писателя сохранилось более шестисот поздравительных телеграмм, среди них: Д. Айзмана, М. Антоновича, В. Богучарского, Ив. Бунина, А. Вербицкой, Ф. Волховского, М. Горького, Л. Гуревич, А. Гучкова, Н. Евреинова, Н. Карабчевского, В. Каррика, П. Кропоткина, Н. Кульбина, К. Марджанова, В. Набокова, Д. Овсяннико-Куликовского, С. Подъячева, И. Потапенко, И. Репина, В. Севского, П. Струве, Е. Тарле, К. Тимирязева, Н. Телешова, Н. Чайковского, К. Чуковского, Ив. Шмелева и мн. др., а также редакций газет и журналов, групп ссыльных, рабочих, адвокатов, учащихся и т. д.

² В «Киевлянине» (1913, 15 июля) была помещена заметка «Юбилей», подписанная — Незнакомец. За этим псевдонимом скрылся давний недруг Короленко, сотрудник газеты В. Шульгин. Фраза, приведенная в дневнике, звучит у анонима так: «Все мы немного выросли на произведениях Владимира Галактионовича», на его «высоких гуманитарных чувствах», о которых он забыл, «ослеп-

ленный политическими страстями» и примкнувший к «безумцам», потерявшим «образ человеческий» и убивающим из-за угла «мирных людей». В число невинных жертв попал у черносотенного публициста и статский советник Ф. Филонов, возглавивший карательный отряд и совершивший, по словам Короленко, «бесчеловечную по формам и размерам» усмирительную экспедицию против крестьян в Сорочинцах в 1906 году. Короленко писал о «Сорочинской трагедии», требуя справедливого суда для обеих сторон ее, но эсеры-террористы, следуя своей тактике «палить и палить», «органически чуждой» Владимиру Галактионовичу, по его собственному признанию, сорвали его борьбу за законный суд, убив Филонова. О своей позиции во время революции 1905—1907 годов Короленко писал в 1911 году: «...если был человек, пытавшийся стать между револьвером террориста и безнаказанностью вопиющего беззакония, — то это был только мой голос, и это был только я, столь усердно оклеветываемый вами, господа официальные писатели, — нижеподписавшийся Вл. Короленко» (*Короленко В. Г. Указ. изд. Т. 9. С. 637*).

³ А. Бурнакин назвал Короленко «назойливым адвокатом угнетенного народа» и «типичным шабестоном», «русского, народного, исторического в нем ни иоты» (Слепой музыкант // Новое время. 1913. 26 июля).

⁴ М. Меньшиков известил, что Короленко для него «давно умер», остался лишь «ничем не замечательный редактор одностороннего и скучнейшего» журнала (Суета сует // Новое время. 1913. 28 июля).

⁵ На телеграмму своего учителя по Петровской земледельческой и лесной академии Короленко ответил письмом от 25 июля 1913 года: «Ваш привет светит для меня среди многих, частью шаблонных, но большей частью искренних юбилейных обращений, — особым светом... Он из тех, которые особенно трогают и особенно внятно говорят об ответственности за этот почет и об его незаслуженности» (*Короленко В. Г. Указ. изд. Т. 10. С. 495*).

⁶ Николай Александрович Шахов — петербургский промышленник.

⁷ Альфред Леонидович Шанявский (1837—1905) — генерал-майор, организатор «Народного университета» в Москве.

КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

8 декабря 1913, [Полтава]

Дорогой Алексей Васильевич.

Пишет Вам сие письмо преступнейший редактор, раб неключимый, червь, а не человек, и поношение человека¹, впрочем — доступный раскаянию. На Ваше письмо не ответил, о своем здоровье не сообщил, хуже того: голо-

са своего никому не передал и ничего к собранию не написал, а нужно было сообщить много. Чувствую, что единственным оправданием могло бы быть — если бы все время хворал и даже подыхал. Но увы! — и этого оправдания представить не могу: хворал не все время и не сильно, не подыхал ни разу, а наоборот, хотя и скачками, но все поправляюсь весьма заметно. Голова работает хорошо, бессониц совсем нет. Одним словом, представляю из себя почти здорового балбеса, отлынивающего от работы.

Впрочем, только от работы редакционной. Работаю много, но все это... «Полное собрание сочинений»². Летом и ранней осенью беспечно хворал. Теперь эта махина на меня и надвинулась, как воз, накатывающийся с горы. Печатать надо заранее, а между тем собрать все это, распределить по томам, просмотреть etc. — это такая работа, что впору самому здоровому. И хуже всего то, что я этим предметом увлекся. Стал просматривать и вижу, что многое, что я считал чуть не бросовым и не издавал годами, — стоит несколько (а иной раз и порядочно) обработать, выйдут вещи стоящие. Ну, и втянулся. Вместо чужих рукописей правлю свои, вновь переживаю прежние впечатления, на письма не отвечаю по месяцам.

Теперь один том (три книжки) уже сдан. С неделю или 1 1/2 надо посидеть, и будут готовы еще две книжки 3-го тома. Тогда смогу оглядеться, не боясь, что воз накатится... Но и теперь немного очухался и услышал голос совести.

Собрание, вероятно, уже прошло без всякого моего участия. Если нет, то я очень прошу товарищей снять с меня по крайней мере половину редакторского жалования, так как я почти не работаю редакционную работу и еще некоторое время нормально работать не смогу. Читаю лишь немногие рукописи, присылаемые для «консультации» из редакции, да то, что идет непосредственно ко мне. Впрочем, если собрание и прошло, то я все же отказываюсь от половины жалования, считая, что 100 рублей и то будет много. Остаток или пусть записывается случайным приходом, или же пусть идет на усиление той части редакции, которая работает.

Засим мысль моя обращается к январской книжке. Вы пишете, что имеются в виду статьи о Ник[олае] Конст[антиновиче] Катерины Павловны, Краснос[ельского] и Колосова (последние Вы считаете кирпичами). Может и не кирпичи, но все же участие редакции недостаточно выражено. Очень мне хочется написать небольшую статейку (около листа)³. Боюсь обещать наверное, потому что придется выталкивать из головы на время то, чем она теперь заполнена; но чувствую, что через все это все-таки глядит на меня лицо Ник.Конст. Нужно мне для этой работы достать статью Протопопова в «Беседе». Не для полемики. Наоборот. Есть там черточка-две, в которых Протопопов сумел даже недружелюбным оком разглядеть кое-что очень характерное. Так как достать это теперь трудно, то нельзя ли сделать так: пусть кто-нибудь (за мой счет, конечно) спишет обе статьи Протопопова в Публ[ичной] библиотеке, и Мих[аил] Петрович⁴ мне их пришлет по возможности скорее. Найти их нетрудно. Первая статья Протопопова напечатана в «Беседе» за март 1904 г., моя статья появилась в мае, а вторая его статья служит мне ответом⁵. Чем скорее это будет сделано, — тем лучше и более вероятно, что я поспею к январю.

Крепко обнимаю всех товарищей. Не сердитесь на меня по возможности. Мне кажется, что я поправлюсь почти вполне и начну работать по-настоящему. Пройду своим беллетристическим прежним путем недаром. Тогда все сие — и даже подыхание — обратится на пользу.

Ваш Вл.Короленко

P.S. Татьяна Ал[ександровна]⁶ Вам на меня наклеветала: ничего такого, что бы указывало, будто я нахожусь в длительном бейлисовском психозе, я ни ей, ни теточке не писал.

P.P.S. Такой работы, как это первое время, — полное собрание от меня дальше не потребует. Можно будет делать это с промежутками и помогает мне очень много Софья⁷.

¹ Обороты из Евангелия от Луки (17,10) («неключимый», то есть «ничего не стоящий») и Псалтыри (21,7).

² Речь идет о 9-томном собрании сочинений Короленко (СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1914, прилож. к журн. «Нива», тираж — 200000). Издание, хотя и называлось «полным», фактически таковым не являлось: дополнительный, 10-й, том был набран, но не вышел из-за войны и революции.

³ Январская книжка «Русского богатства», посвященная 10-летию со дня смерти Михайловского, вышла с его портретом, статьями Вл. Короленко «Николай Константинович Михайловский», Н. Русанова «Архив Н. Михайловского» и публикацией Е. Летковой-Султановой «Из писем Н. Михайловского». Статьи А. Красносельского и Е. Колосова помещены не были.

⁴ *Сажин М. П.* (1845—1934) — революционер-народоволец, затем бакунист; заведующий хозяйственной частью редакции и издательства «Русского богатства» в 1906—1916 годах.

⁵ Имеется в виду полемика, развернувшаяся после смерти Михайловского: *Протопопов М. А.* Н. К. Михайловский (Беседа. 1904. № 3); *В. К. [Короленко]*. Г-н Протопопов о Н. К. Михайловском (Русское богатство. 1904. № 5); *Протопопов М. А.* Пара слов «Русскому богатству» (Беседа. 1904. № 8). В юбилейном отклике 1914 года Короленко приводит отрывки из первой статьи Протопопова: «ледяное выражение» при ответе на «вежливый поклон» господина, от которого зависело существование журнала «Отечественные записки», где Михайловский был одним из редакторов, и отсутствие в его облике «расейской распушенности», «неряшливой небрежности костюма и амикошонской фамильярности манер», и наоборот, — «регулярность в труде, умеренность в привычках» и т. д.

⁶ *Т. А. Богданович* (1874—1942) — племянница и воспитанница Н. Ф. и А. Н. Анненских, журналистка.

⁷ *Софья Владимировна Короленко* (1886—1957) — старшая дочь В. Г. Короленко.

ИЗ ПИСЬМА А. ПЕШЕХОНОВА — КОРОЛЕНКО

3/III 1914, СПб., Петропавловская, 4

О Вашем желании я тогда же сообщил не только товарищам по редакции, но и общему собранию товарищества¹. Но удовлетворить это желание и даже войти в его обсуждение товарищи признали для себя невозможным. Дорогой В. Г.! Рассудите сами: могли ли обсуждать его мы — например, я и В[енедикт] А[лександрович]? Когда мы сидели в Двинской санатории², а Вы изнемогали при

самых неблагоприятных условиях над редакционной работой, то ведь мы о лишении нас жалования и об увеличении жалования Вам вопроса не поднимали <...>

Но есть и еще одно. Вы вправе это последнее, конечно, игнорировать, но ведь мы-то не можем забыть, что значит *Ваше* участие в «Р[усском] б[огатстве]», — и не только в прошлом, когда Вы так много работали, но и в настоящем, когда Вы вынуждены временно ослабить работу. Уж если добиваться строгого соответствия между трудом и вознаграждением, то надо принимать в расчет и качество труда. А можно ли взвесить, как много значит для журнала *Ваше*, хотя бы минимальное участие в нем, — хотя бы только возможность обратиться к Вам в тот или иной момент за советом? Вы вправе — повторяю — это соображение игнорировать. Но войдите все-таки на минуту в наше положение и не заставляйте нас заниматься противоестественным делом. Логика ведь его была бы такова: «сознавая безмерную ценность Короленка для «Р[усского] б[огатства]», постановляем уменьшить ему жалованье...» <...>

В апреле 25-летие Щедрина. Пока имеется в виду только Кранихфельд (!), который разыскал новый вариант конца «Головлевых»³. Он уже прислал статью, но еще не смотрели. Обещал еще Розенберг — из переписки Щ.⁴, но, кажется, надул <...> У меня было намерение сопоставить Щедринскую сатиру с современной действительностью, но пока ничего еще не сделал и не знаю, успею ли⁵ <...>

Подписка превышает прошлогоднюю тысячи на 4.

¹ См. предыдущее письмо. Короленко все же настоял на половинной оплате своего редакторского труда (при получении всей суммы авторского гонорара). Однако редакция отвергнутую часть жалования стала класть в банк на имя Короленко. После революции 1917 года Владимир Галактионович распорядился, чтобы из этих средств выдавалось пособие Л. Костровой, старейшей конторщице «Русского богатства», бедствующей и больной.

² Так Пешехонов именуется Двинскую крепость, где он и Мякотин отбывали тюремный срок по приговору суда за «литературные преступления».

³ *Владимир Петрович Кранихфельд* (1865—1918) — историк литературы и критик; был близок к социал-демократам, чем и вызван знак восклицания в письме Пешехонова. Его статья «Новая экскурсия в Головлево (К 25-й годовщине смерти М. Е. Салтыкова)» появилась в «Русском богатстве» (1914, № 4).

⁴ *Владимир Александрович Розенберг* (1860-1932) — член редакции газеты «Русские ведомости»; дал в апрельский номер «Русского богатства» статью «Лебединая песнь Щедрина».

⁵ Пешехонов статьи о Салтыкове-Щедрине не написал. В апрельской книжке «Русского богатства» был напечатан рассказ Н. Щедрина «У пристани».

КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

[5] февраля 1916, [Полтава]

Дорогой Алексей Васильевич.

Нахожусь в периоде эпистолярном. Засыпаю товарищей письмами. Сегодня собрался писать Вам.

Право, Алексей Васильевич, Вы совершенно, то есть совершенно напрасно приписываете некоторое мое «противуполемическое» ворчание местным инспирациям моих здешних «кадетских» приятелей. Вам представляется, по-видимому, дело так: появилась какая-то заметка в «Р[усских] записках»¹ — мои приятели при первом же случае начинают мне колоть глаза. Я этим внушениям и поддаюсь. Нет, это совсем не так. Поверьте, что таких разговоров совсем не было. Приятели есть. Некоторых (например, Имшенецкого²) и Вы знаете. Но... если в последнее время были у нас политические разговоры, то это была тоже «полемика» по поводу кадетского неистовства по поводу «проливов»³. И больше никаких бесед, а значит и поводов для «инспирации». Поверьте, что это у меня «от собственного ума». И это уже давно. Еще с тех пор, как еще молодым и горячим революционером-народником я попал в глухие леса Вятской губ. и очутился «на дне» «народной жизни», где должна была дремать потенциальная или даже готовая формула народной мудрости. Затем, после скитаний в Сибири, я вернулся в особом настроении. «Не надейтесь на князи»⁴ — это я знал давно. Но и не надейтесь на готовые

формулы народной мудрости. Я решил, вернувшись на сокрушенные пепелища недавних еще упований, — стать просто партизаном того, что несомненно тяготеет к правде. И одна из первых моих «боевых» статей была защита купеческого волжского самоуправления против произвола Баранова (единственные мои статьи в «Новом времени»⁵. Я тогда после возвращения из долгой ссылки еще не проникся полным отвращением к этой газете, а она дала мне возможность провести всю кампанию и сдержала обещание).

Эта партизанская линия осталась во мне и после. Партизанская, а не партийная. Я не отрицаю полезности партий, даже в конце концов — необходимости их. Но — у меня не лежит душа к преждевременной отдаче всего себя в распоряжение партии (какой бы то ни было) без необходимости. И это именно потому, что после того старого резкого опыта я скептически отношусь к «готовым формулам», из которых выводится тактика. Т. е. к готовым формулам той или другой «классовой» мудрости. Вот я с великим наслаждением прочел речь Чхеидзе (сначала запрещенную)⁶. Всю — до тактических ее заключений. Он верит, что его «народ» (теперь надо говорить «класс») один способен практически решить проклятые вопросы нашего дня и готов уже и в настоящий день. А я, да очевидно и Вы, и другие мои товарищи, в такую единоспасительность этого класса мы, очевидно, не верим. Для меня такого единого класса нет. Для Вас (эн-эсов⁷) он много шире, чем для эс-деков, но — простите — и много романтичнее. Так мне это кажется. Для эс-деков это все-таки конкретная определенность. Столько-то организованных рабочих, столько-то сознательных, а за ними — более или менее близкая по настроениям масса, более или менее готовая к действию, хотя бы по частным вопросам, пролегающим в их направлении. Это уже большая сила и главное — сила определенно нарастающая, с возможным и близким будущим. Но — если бы она была и вдвое, и втрое, и во много раз больше — я не верю, как верит Чхеидзе, что в ее руках уже теперь решение всех наших вопросов. Даже более — пусть она вся будет сознательная — она способна

решить «классовые вопросы», а этого мало. Но это — Бог с ним. Это еще в туманном будущем. А теперь ближайшие вопросы нашей жизни, гордиев узел политического дня — далеко не в руках рабочего класса. А в чьих? Тут я примыкаю к вам, эн-эсам. В руках того широкого, неопределенного, романтического «трудового народа», который даже не нашел еще своего конкретного выражения. Но и кроме него — еще пока и в руках старой бюрократии, а за нею в следующей стадии — в руках промышленного класса.

Авторская копия с пометами Короленко: «О полемике». «Написано другое письмо (февр. 1916)». Последний документ в архивах не обнаружен. Число устанавливается по упоминанию в письме Короленко М. Сажину от 5 февраля 1916 года: «Пишу А. В. Пешехонову, но адресовал на редакцию...» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 8. Ед. хр. 38. Л. 6).

¹ После административного закрытия в октябре 1914 года «Русское богатство» временно выходило под названием «Русские записки» (с ноября 1914 по март 1917 года) с другим обозначением официального редактора и издателя.

² *Яков Кондратьевич Имшенецкий* (1858—1938) — полтавский общественный деятель, финансист, член партии кадетов. О нем Короленко писал жене 24 сентября 1905 года: «Превосходен, как всегда <...> прям, умен, откровенен и вообще — золото, а не человек» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 4. Ед. хр. 7).

³ Контроль над морскими проливами Босфор и Дарданеллы, дававший российскому флоту выход из Черного моря, выдвигался партией кадетов как одна из главных задач Первой мировой войны.

⁴ Псалтырь (145, 3).

⁵ Корреспонденции «Некоторые странности Сормовского дела», «Спасение экипажа затонувшего парохода» и «Последняя “странность” Сормовского дела» (Новое время, 1886, 13, 23 апреля, 11 июня; первая без подписи, две последние подписаны W.). *Николай Михайлович Баранов* (1837—1901) — нижегородский губернатор.

⁶ *Николай Семенович Чхеидзе* (1864—1926) — лидер думских меньшевиков. Короленко имеет в виду его речь 10 февраля 1916 года (Стенографический отчет. Государственная дума 4 созыва. Сессия IV. Заседание 18-е. Пг., 1916. С. 1272—1285).

⁷ Партия народных социалистов возникла в 1906 году по инициативе Пешехонова, Мякотина и Анненского. Короленко в нее не входил, но голосовал за энесов в 1917 году, во время выборов в Учредительное собрание.

23 декабря 1916, [Полтава]

Вспоминаю, что как-то, заноса свои впечатления в этот дневник в период затишья всякой революционной деятельности, я испытал особое чувство, вроде предчувствия, и занес в свой дневник это предчувствие: вскоре начнутся террористические акты. Это оправдалось. Такое же смутное и сильное ощущение у меня теперь. Оно складывается из глухого, темного негодования, которое подымается и клокочет у меня в душе. Я не террорист, но я делаю перевод этого ощущения на чувства людей другого образа мыслей: активных революционеров террористического типа и пассивно сочувствующих элементов общества. И я ощущаю, что оба элемента в общественной психологии нарастают, неся с собой зародыши недалекого будущего. И когда подумаю об этом жалком, ничтожном человеке¹, который берет на себя задачу бороться со стихией, да еще при нынешних обстоятельствах, — мне становится как-то презрительно жалко и страшно. Казалось, террор совсем умер после того, как он загрязнен руками черносотенцев. Но теперь переполнена какая-то мера, над Распутиным совершен настоящий террористический акт² со стороны совершенно неожиданной и, конечно, это предостережение тем, кто отдался во власть темного проходимца. В оппозицию отталкиваются уже Макаровы³ и Треповы⁴. Придворная реакция стоит против всей России, в том числе консервативной: Пуришкевичи берутся за револьверы не против Милюковых⁵...

Да, что-то будет. Я немного дал бы за безопасность Протопопова в настоящее время. Ему суждено было привлечь на себя величайшее презрение и огромную ненависть. И этот жалкий человек слеп, как крот, в своих придворных темных ходах...

¹ Речь идет об Александре Дмитриевиче Протопопове (1866—1918) — министре внутренних дел с сентября 1916 года.

² Григорий Ефимович Распутин (1872—1916) — крестьянин, фаворит царской семьи; убит в ночь на 17 декабря 1916 года при участии

активного черносотенца, члена Государственной думы *Владимира Митрофановича Пуришкевича* (1870—1920).

³ *Александр Александрович Макаров* (1857—1919) — ранее министр внутренних дел, в 1916 году министр юстиции.

⁴ *Александр Федорович Трепов* (1862—1928) — с ноября 1916 года председатель Совета министров.

⁵ *Павел Николаевич Милюков* (1859—1943) — историк, лидер партии кадетов.

КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

9 апреля 1917, [Полтава]

Дорогой Алексей Васильевич.

Податель — Дмитрий Петрович Козак, румынский подданный, в юности эмигрировавший из Бессарабии, врач, мой знакомый по прежним моим поездкам в Румынию, из компании покойного доктора Петра Александрова (Василия Ивановского¹). Знаю его за человека порядочного. Командирован из Румынии для посещения лазаретов с ранеными румынами и для приобретения необходимых вещей. Едет в Питер с такими же целями и просил меня облегчить ему знакомства. Знаю, что Вы заняты по горло и притом, должно быть, все русские богачи. Сужу по тому, что никто мне, отшельнику, не удосужится написать ни одного словечка на мои вопросы², хотя бы только о том, выйдет ли журнал и когда именно и, вообще, существует ли он или замер до более спокойных времен. Но все-таки попрошу уделить некоторое внимание д-ру Козаку и указать ему нужные ходы.

Я как-то просил, чтобы кто-нибудь один из редакции взял на себя труд написать письмо злополучному фиктивному якобы редактору Короленко. Эта фиктивность теперь меня тяготит особенно: чувствую себя совершенно отрезанным ломтем, и глас мой к товарищам тщетно вопиет из Полтавы. Точно какой-то бойкот: даже Марья Павловна³ и контора систематически и упорно оставляют мои самые деловые письма без ответа. Теперь революция. Допустим, — но неужели контора совсем не работает? И притом это удивляющее меня молчание началось не с

марта, а с самого того времени, как ушел Михаил Петрович¹. Я после этого шлю заказные письма, прошу ответа, повторяю эти просьбы, и все тщетно. Даже на вопросы читателей о том, будет ли выходить журнал и когда, — я (редактор!) не имею возможности ответить в течение уже 2 1/2 месяцев или более!

Не говорю уже о том, с каким интересом я узнал бы что-нибудь о положении, занятом нашей группой. Хотя бы посылали мне товарищи н.-эсовскую литературу, как это делают некоторые другие группы. Между прочим, обратился ко мне Мельгунов⁵ с приглашением в газету, в которой, по его словам, близкое участие будете принимать Вы и Афан[асий] Борисович⁶. В корню, кажется, станоятся Прокопович⁷ и Кускова⁸. Обещали выслать газету. Я пока от участия в списке заявляемых сотрудников отказался, но не зарекаюсь: хочу только, чтобы не вышло опять фикции, поэтому подожду до фактического сотрудничества.

Кстати: есть у меня некоторые рукописи, принятые и присылаемые для «Р[усских] записок». Не решаюсь посылать их, чтобы просто не затерялись в конторе, которая не отвечает на деловые письма и Бог ее знает, работает ли? — Не знаю также, что случилось с моим очерком «Пленные»⁹ и когда он увидит свет. Если должно пройти слишком много времени до выхода «Р. Записок» (или «Русского богатства»? — об этом тоже у меня спрашивают), то я предпочту до того времени написать что-нибудь другое, а «Пленных» отдать в газету.

Ну, простите, что отвлекаю Вас от работы на чтение сего ворчливого послания. Шлю привет всем Вашим, а также товарищам.

Кончаю повторением просьбы о Д. П. Козаке.

Ваш Вл. Короленко

¹ Василий Семенович Ивановский (1845—1911) — врач, брат жены Короленко; участник народовольческого движения, политэмигрант, жил в Румынии под именем Петра Александрова. Ему посвящен

очерк Короленко «Памяти замечательного русского человека» (Короленко В. Г. Указ. изд. Т. 8).

² В то время уже разладилась работа почты.

³ Мария Павловна Роде — заведующая конторой «Русского богатства» с конца 1916 по 1918 год.

⁴ М. П. Сажин.

⁵ Сергей Петрович Мельгунов (1879—1956) — историк, публицист; один из лидеров партии народных социалистов. Речь идет о газете «Народное слово».

⁶ Афанасий Борисович Петрищев (1872—1951) — публицист, автор постоянного раздела «Внутренняя хроника» в «Русском богатстве», а в 1917 году — член редакции.

⁷ Сергей Николаевич Прокопович (1871—1955) — экономист, меньшевик, в 1917 году министр Временного правительства.

⁸ Екатерина Дмитриевна Кускова (1869—1958) — публицист, жена С. Прокоповича.

⁹ Вл. Короленко. Пленные (Русские записки. 1917. № 2-3). Очерк основан на французских впечатлениях Короленко и направлен против враждебного отношения к пленным любой воюющей стороны.

А. Г. ГОРНФЕЛЬД — КОРОЛЕНКО

Петроград, Баскова ул., 9. 12.VI. 918

Дорогой Владимир Галактионович,

на вопросы, возбужденные в Вашем письме от 16/29.V¹, отвечаю в том порядке, в каком Вы их ставите. — Думаю, что банкротства журнала опасаться нет оснований. Кредиторов у нас нет, — кроме подписчиков; а подписчики очень хорошо знают, каково положение книжного дела, подписываются, понимая, что двенадцати книжек не получают, и ни один из них не жалуется на то, что мы стали из ежемесячного журнала трехмесячником. Конечно, та фантастика, в которой мы пребываем, не дает никаких оснований для суждения о будущем, но я думаю, что мы, если не уцелеем, то имени своего позором не покроем. Ответственность за финансовую сторону лежит, конечно, на всех пайщиках, и о желании Вашем, чтобы она даже номинально не представлялась единоличной, я пишу в Москву. Там плотно основались наши — два редактора² и два хроникера (Петрищев и Чекин³, сменивший Русанова), — делают газету и, подозреваю, мечтают и журнал перетащить в

Первопрестольную⁴. Я бы этого очень не хотел, но общепубличных доводов у меня нет.

Печатаю вторую книжку журнала (апрель—июнь); типография тянет невероятно (и непонятно, потому что теперь ведь недостатка в наборщиках нет), но почти половина набрана и я жду материала для второго отдела от москвичей⁵.

Рукопись Сергеева⁶ у нас, но печатать ее придется лишь в начале будущего года. Нам ведь надо кончить роман Борецкой (вторая половина, исправленная Вами, у нас)⁷ и необходимо для будущности журнала начать со след[ующей] книжки Вашу «Историю моего современника»⁸, а всего за этот год мы, верно, дадим подписчику книжки 4—5. Принятая Вами «Нитка жемчуга»⁹ набирается, «Тарновщина»¹⁰ ждет очереди. Принятого материала больше нет, но есть предложения. Быть может, беллетрист Окунев¹¹, уезжающий на днях в Одессу, пришлет Вам свою повесть «Усадьбы»; мне она кажется приемлемой, но радости не возбуждает никакой: сплошная подделка под нечто настоящее и новое. Но сделано пристойно.

О Крюкове¹² знаю только то, что он печатается в «Русских ведомостях» (ныне «Свобода России»). Русанов, говорят, за границей. Я видел его на чествовании «Русск[ого] богатства»¹³ и едва поздоровался с ним. Очень уж скверно было то, что он писал прошлой весной (17 г.)¹⁴. Пусть он «искренен» и по-своему честен, но если и невменяемый человек зарезал мою мать, я не могу его видеть без отвращения.

Очень плоха Лидия Валериановна¹⁵ — вся распухла не то от почек, не то от недоедания; ей дали тысячу рублей, жалование она взяла за июль, но всего этого мало, когда хлеба нет (эти два дня совсем не дали), картофель 3 р. фунт и т. д.

Я подрабатывал в газетах, вошел в «День»¹⁶ заведующим критическим отделом, но газету закрыли за день до появления моего — уже сданного и набранного — отдела.

До свидания, сердечный поклон Вашим. Спасибо за неделовые новости.

Ваш А. Горнфельд

¹ Опубликовано в кн.: Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 157—158.

² Пешехонов и Мякотин.

³ Публицист Алексей Петрович Чекин с ноября 1917 года вел в «Русском богатстве» отделы «Иностранная летопись» и «Политическая летопись».

⁴ Замысел не был осуществлен.

⁵ В публицистическом отделе строенной книжки «Русского богатства» (1918, № 4-6) напечатаны статьи Мякотина «Распалась ли Россия?» и Петрищева «Хроника внутренней жизни», посвященные «российской революционной руине».

⁶ О рукописи *Николая Ивановича Сергеева* (1852—1932) «Воспоминания из жизни людей 70-х годов» есть запись в редакторской книге Короленко от 6 июня 1917 года с пометой «Принято». В «Русском богатстве» воспоминания не успели появиться из-за принудительного закрытия журнала.

⁷ О романе *Полины Иосифовны Борецкой-Бергфельд* «Их жизнь» есть запись в редакторской книге Короленко как о «приемлемой» вещи и упоминание о «неблагоприятном отзыве Горнфельда» (РГБ. Ф. 135. Разд. I. Карт. 22. Ед. хр. 1334. Л. 176). 29 августа Короленко писал Горнфельду: «Если Вы найдете, что нужна существенная редакция, — я готов это сделать. Но считаю, что можно принять и в таком виде. По-моему, есть тут какая-то своеобразная правда» (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 144). В «Русском богатстве» роман печатался под псевдонимом Н. Вихровский (1918, № 1—6).

⁸ В последней, строенной, книжке «Русского богатства» (1918, № 4-6) было объявлено, что в следующей книжке будет напечатано продолжение «Истории моего современника» Короленко. В архиве Горнфельда сохранилась верстка этой части («Студенческие годы»), набранная для невышедшего № 7-9 (РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 638. Лл. 25—49).

⁹ Рассказ А. Высоцкого «Нитка жемчуга» (Русское богатство, 1918. № 4-6).

¹⁰ Повесть *Александра Ивановича Семикина* «Тарновщина (История одной карьеры)» «после разговоров с автором» и редактуры Короленко была принята в мае 1916, но в «Русском богатстве» не появлялась (РГБ. Ф. 135. Разд. I. Карт. 22. Ед. хр. 1334. Лл. 127 и 130об.).

¹¹ *Яков Маркович Окунев* (наст. фамилия Окунь, 1882—1932) — прозаик.

¹² *Федор Дмитриевич Крюков* (1870—1920) — прозаик, постоянный автор, а с 1912 года член редакции «Русского богатства», помощник Короленко по беллетристическому отделу; в июле 1917 года уехал на Дон, в родную станицу Глазуновскую.

¹³ Юбилей состоялся 1 февраля 1918 года — почетный председатель собрания В. Фигнер. В редакционном отчете «Двадцатипятилетие «Русского богатства»» (Русское богатство. 1918. № 1-3. С. 339—359) приведены более сотни приветствий от организаций, союзов, партий (кроме большевиков), заключенных в Петропавловской кре-

пости членов Временного правительства и Учредительного собрания, отдельных лиц и групп читателей. В приветствии от Литературного фонда (С. Венгеров, Н. Кареев, Ф. Батюшков) говорилось: «В дни народолюбия ложного отрадно отметить народничество подлинное. В дни социализма фальсифицированного важно напомнить о социализме настоящем. В дни демагогии бесстыдной особенно ценен демократизм, никому не угождающий и сильный только внутренней правдой. В этом признании подлинности лозунгов "Русского богатства" общий смысл сегодняшнего чествования...» (там же. С. 347). Короленко послал 30 января 1918 года телеграмму и приветственное письмо; последнее было помещено в редакционном отчете о юбилее: «С гордостью думаю, что в нашей дружеской журнальной семье, собравшейся вокруг Н. К. Михайловского, всегда жила вера, которая стояла выше и коренилась глубже временной смены партийных и классовых взглядов, восходя к высшим началам вечной правды. Михайловский умел схватить основной жизненный нерв интеллигенции, определив ее право на самостоятельную роль и великое ее значение в общественной жизни — в сжатой формуле, противуполагавшей *идеалы идолам*. Теперь об этом приходится вспоминать особенно часто, когда одностороннее классовое идолопоклонство грозит затемнить лучшие стремления русской интеллигенции к правде, социальной справедливости, к разуму и истинной свободе...» (там же. С. 340).

¹⁴ *Николай Сергеевич Русанов* (1859—1939) — участник народо-вольческого движения; постоянный сотрудник «Русского богатства» с 1895 года, член редакции — с 1912 года. После Февральской революции примкнул в левым эсерам, состоял в редакции газеты «Дело народа», где в своих статьях призывал «победоносную революцию» продвинуться «возможно дальше по пути социализма», вопреки опасениям «благонамеренной печати» и «людей порядка и государственной мудрости», «сторонников Милюкова» (Дело народа. 17, 21, 23 марта, 18, 23 апреля).

¹⁵ Л. В. Кострова умерла 29 июля 1918 года.

¹⁶ Петербургская либерально-демократическая газета, выходящая с 1912 года.

КОРОЛЕНКО — А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ

22 января 1919, [Полтава]

Дорогой мой Аркадий Георгиевич.

Наконец встретилась оказия, и я могу написать Вам хоть несколько слов, после очень долгого промежутка. С давних пор не имею никаких сведений о «Р[усском] богатстве»¹. Татьяна Ал[ександровна]² привезла мне кор-

ректуру моего «Современника». Получили ли Вы уже вторую часть, которую я давно послал через ред[акцию] «Киевской мысли», и напечатана ли она?³ Появилась ли третья книга журнала, а также четвертая? Идет ли подписка на 1919 год или, как мне говорили, журнал вовсе прекратился, и что тогда делаете Вы и товарищи по редакции и конторе? — Все это для меня существенные и даже мучительные вопросы, на которые, ради Бога, постарайтесь ответить с г-м Хейфецом, который передаст Вам это письмо и вскоре опять отправится к нам.

Теперь мы в положении «занятого города». Несколько дней назад к нам вступили большевики. Перед этим были «петлюровцы-винниченковцы» («украинская республика»), сменившие «гетманцев» и немцев. Те в свою очередь вытеснили в свое время большевиков. Каждая смена почти неизменно сопровождается большими или меньшими безобразиями и насилиями над мирными жителями. Последняя пока в этом смысле еще резко не сказалась, но... Бог знает, что будет. Мне пришлось выступать против разных эксцессов... Немцы выслали было моего зятя, которого вернула германская революция. Все так перемешалось, что трудно что-нибудь отличить и, присматриваясь к среднему типу участника в междоусобной брани, я вижу, что тут преобладает некультурный русский человек, без твердых убеждений и веры. Петлюровец бьет гетманца, но может быть недавно сам был гетманцем. Тоже и относительно многих большевиков, и кроме того — в обилии вкраплен всюду «уголовный человек», опасный для всякого дела. Отчасти по своему темпераменту, отчасти по болезни я не могу активно участвовать в какой бы то ни было партийной борьбе и неважно разбираюсь в «течениях». Знаю, что «добровольцы», стоящие за «единую», — творили такие же безобразия, как и украинцы. С другой стороны, и у большевиков, и у петлюровцев порой удавалось затронуть человеческие струны. Все это определило мою позицию: среди этой свалки я остаюсь нейтральным и стараюсь только ослабить жестокости. Если при сем случае и мне как-нибудь «попадет на орехи», то по крайней мере знаешь, что стоишь за что-то небольшое, но несомненное и бесспорное. Я серьезно думаю, что среди всех этих течений уже просыпается

сознание, что все блуждают во тьме и что пора подумать о человечности. И может быть (скоро или нескоро) из ручейков, разрозненных и слабых, образуется поток, который зальет все. А пока мне кажется, что несколько человек противоположных направлений дышат воздухом и смотрят на солнце отчасти благодаря и моему вмешательству. Что же, для больного старика и это что-нибудь значит.

С Пешехоновым и Мякотиним давно не виделся. Оба они в Одессе. Когда Пешехонов был у меня⁴, — мои не сразу его узнали, так постарел и осунулся. Оба барахтаются в «течениях» и жалуются, что трудно в них найти то, какое нужно. Сколько еще времени это продлится?

Теперь о деле. По-видимому, сейчас большевики у нас укрепились (хотя, конечно, кто знает!). Одним из последствий этого явится, вероятно, возможность сношений с вами, петербуржцами. В виду этого сажусь усиленно за продолжение «Современника» и скоро, вероятно, pošлю часть на случай, если «Р. Бог.» существует (о чем подробно напишите). Ох, трудно теперь заглядывать в это «далекое прошлое», которое перекрыто слишком уж ярким недавним. Но, как бы то ни было, недели через три надеюсь послать клоч, который можно будет напечатать, если «Р. Бог.» имеет в виду выходить в этом году.

Напишите мне, как Ваши личные дела и как дела журнала? Свели ли концы с концами за прошлый год? Какие надежды на этот? Как справляетесь с работой, кто помогает и держится ли какое-нибудь ядрышко «Р. Богатства» или вместе со всей независимой (несоветской) печатью журнал пока прекратился? Ради Бога, напишите обо всем, о чем успеете. Я спешно набрасываю эти строки, в виду того, что скоро придут за письмом. А Вы напишите заранее, чтобы когда явится г-н Хейфец, письмо было готово, полное и обстоятельное.

Крепко обнимаю Вас, дорогой Арк. Георгиевич. Передайте привет Редькам⁵, Мокиевскому⁶ и всем товарищам по работе. Придется ли когда увидеться и при каких обстоятельствах?

Любящий Вас

Вл. Короленко

Письмо Ал[ександра] Меф[одиевича] я в свое время получил⁷, но ответить не успел. Теперь может быть и будет возможно. А пока очень его благодарю и обнимаю.

Кто остался у нас в конторе?

¹ Из-за плохой работы почты Короленко еще не получил открытки Горнфельда с извещением: «Журнала нет, разрешение на его выход отобрано в августе, бумагу отобрали в октябре, уплативши по тогдашней цене; теперь она втрое выше; помещение конторы реквизировано с частью мебели» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 21. Ед. хр. 38. Л. 19; в почтовом штемпеле читается только число «22»; помета Короленко: «1918», по смыслу это ноябрь или декабрь).

² Т. А. Богданович.

³ См. примеч. 8 к письму Горнфельда Короленко от 12 июня 1918 года.

⁴ Пешехонов был в Полтаве 16—19 сентября 1918 года (по нов. ст.).

⁵ Супруги *Редько Александр Мефодиевич* (1866—1933), по профессии инженер, и *Евгения Исааковна* (1869—1955) — вели в «Русском богатстве» литературную критику, подписываясь совместным именем — А. Е. Редько.

⁶ *Павел Васильевич Мокиевский* (1856—1927) — публицист, постоянный сотрудник «Русского богатства» с 1895 года; по профессии врач.

⁷ 13 августа 1918 года А. Редько писал, в связи с 65-летием Короленко и 40-летием его литературной деятельности, что слово «поздравляю» ложится «тяжелым камнем» на душу во времена, когда «все вокруг превратилось в издевательскую гримасу над тем, что было так дорого в каждой строке, выходившей из-под Вашего пера» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 32. Ед. хр. 52. Лл. 1—4).

А. Г. ГОРНФЕЛЬД — КОРОЛЕНКО

С. Петербург, 21/8. II. 1919 г.

Дорогой Владимир Галактионович,

отвечаю на письмо Ваше, написанное 20 января¹; я получил его почтой из Москвы; жду появления г.Хейфеца, а если в течение ближайших дней не дождусь, то отправлю это письмо по почте. Вижу, что Вы очень мало осве-

домлены о наших печальных делах. Еще осенью, когда мы приступили к печатанию 3-й книжки и были набраны первые три листа («История современника»), Комиссариат печати отобрал разрешение и потребовал нового ходатайства о возобновлении такового. Это возобновление не было дано почти никому — кроме, например, Миролубова, который при этом обязался исключить из своего журнала политический отдел². В декабре официальная газета «Северная Коммуна», основываясь на том, что журнал наш не печатается, отобрала у нас бумагу. Я пробовал ссылаться на то, что журнал не воспрещен, что во время временной приостановки мы будем печатать сборники для удовлетворения подписчиков, но мне ответили, что если я буду упорствовать, то бумагу конфискуют, теперь же предлагают за нее деньги. Тогда я разрешил типографии «Слово», державшей бумагу в запасе для нас, продать ее по рыночной цене; теперь эта цена почти утроилась... Но этим не кончились наши злоключения: был реквизирован дом, где помещается наша контора; нас выселили, причем значительную часть имущества (пишущие машины, часть мебели и т. д.) не позволили вывезти. Солдат, принесший приказ о выселении, начал с того, что увидев на столе конторские весы, сказал: «А, это нам годится» и унес их с собой; протесты не помогли, а оставленную квартиру топили нашими книгами шесть дней. Мы наняли две комнаты на Литейном и перевезли туда остатки нашего имущества, архив³, конт[орские] книги и т. п. Тяжело приступать к полной ликвидации дела, но, чего доброго, придется. Пока мы с Александр Мефод[иевичем] решили так: конторский персонал (три человека) получает содержание за первые три месяца года, а затем — для наблюдения за имуществом и на случай возобновления работ — остается только О. А. Крылова⁴; она же составит и окончательный отчет. Жалование всему прочему персоналу, конечно, прекращено с нового года. Подписчики, вероятно, останутся нашими кредиторами надолго, но в виду таких *forces majeures* ни один, вероятно, жаловаться не станет. Одно время я предлагал напечатать в виде книжки «Ист[орию] современника» и разослать им, но

теперь за отсутствием бумаги и национализацией типографии «Слово» это невозможно.

Я живу тяжело, в тоске и тревоге; ничего не пишу. Несмотря на то, что питаюсь кониной и мечтаю о вобле, бюджет мой доходит до 3 тысяч в месяц. Некоторую работу я имею в театральном ведомстве, которое поручило мне заведование инсценировкой социальных романов и библиографией; кроме того я уступил несколько моих старых переводов казенному «Издательству всемирной литературы». Все это позволяет мне в ближайшие месяцы сводить концы с концами; да и в дальнейшем, я думаю, не денежные заботы будут стоять для меня на первом плане, а всякие другие. Пока что я сыт и в квартире моей — что здесь великая редкость — вполне тепло. Но наш дом уже взят для нужд красноармейцев и для меня ясно: если я в течение лета не сумею уехать отсюда, то пропаду в числе многих⁵. Самое тяжелое в моем бытии то, что его равновесие на волоске; я слаб, одинок и беспомощен, и только необыкновенной удачей — отчасти и спросом на мою работу, но только отчасти — объясняю то, что уцелел до сих пор⁶.

Все наши, поименованные Вами, сердечно благодарят за память и кланяются Вам. Тяжело и им, особенно П. В. Мокиевскому, но все работают усердно: прислуги-то ведь ни у кого из них уж нет. От души приветствую Ваших и хочу надеяться, что мы еще увидимся.

Ваш А. Г.

Написано на бланке уже не выходящего «Русского богатства»; помета Короленко: «NB».

¹ Горнфельд отвечает на письмо Короленко от 22 января 1919 года.

² Речь идет о «Ежемесячном журнале» демократического деятеля *Виктора Сергеевича Миротубова* (1860—1939), выходившем в Петрограде с 1914 по 1918 год; его возобновление при большевиках не состоялось.

³ 12/25 апреля 1920 года Горнфельд писал Короленко: «На днях я вошел в сношение с Академией Наук; боясь за судьбу архива Н. К. Михайловского (переданного в наше пользование и принадлежащего его

сыну), я предложил Академии (собственно "Пушкинскому Дому") приютить архив у себя. Они согласились, и скоро мы начнем его переносить туда. Что делать с нашими бумагами и нашим, хоть и умаленным, имуществом, не знаю. Рассчитывать на объединение редакции в обозримом будущем едва ли возможно?» (РГБ. Ф. 132. Разд. II. Карт. 21. Ед. хр. 38. Л. 26). Архив Н. К. Михайловского поступил в Пушкинский Дом 18 мая 1920 года (см. письмо Н. Котляревского А. Горнфельду — РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 3). После смерти Короленко, когда надежда на воскрешение «Русского богатства» окончательно рухнула, Горнфельд сдал в Пушкинский Дом и основную часть редакционного архива.

⁴ *Ольга Алексеевна Крылова* — бухгалтер «Русского богатства» с 1905 года.

⁵ Горнфельд жил на Басейной (Некрасова) ул., д. 58, кв. 26 до своей смерти в 1941 году.

⁶ В ответе от 13 марта 1919 года Короленко предложил устроить Горнфельду «более или менее удобный переезд до Полтавы <...> На первое время, разумеется, можно остановиться у меня, в моем кабинете, пожили бы в тесноте, да не в обиде» (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 169).

КОРОЛЕНКО — А. В. ПЕШЕХОНОВУ

10 марта 1919 г., [Полтава]

Дорогой Алексей Васильевич.

Прежде всего о ближайшем деле. Посылаю оригинал «Истории моего современника». «Русское богатство» не выходит. В августе отняли выпускной билет, а в октябре реквизировали бумагу и помещение. Таким образом и мой «Современник» *совсем не появился*. А я продолжал посылать часть за частью, так как ничего не знал. Только на днях наконец получил письмо от Горнфельда¹. Он пишет, что контору уже рассчитали, за исключением одной бухгалтерши, которая готовит отчет. За бумагу уплатили по тогдашней цене. Теперь она стоит втрое дороже. Вообще, журнал разгромлен, и хорошо бы затеплить наш огонек на юге².

Но... трудно это необычайно. И прежде всего трудно съютить редакционные силы. Наша группа не всегда была однородна, но мы спелись. Т. е. притерпелись к разногласиям во имя того, что считали главным и в чем были согласны. Теперь многое передвинулось, перспектива из-

менилась, и стало главным то, что прежде таким не казалось. Русанов отошел радикально в одну сторону, Пав[ел] Вас[ильевич]³ — в другую. Вы знаете, что я никогда тактике особенного значения для журнала не придавал и в этом считаю себя малокомпетентным. Горнфельд и Редько тоже. Крюков совсем исчез с нашего горизонта. Мы, остальные, рассеяны и отделены «фронтами». В одном государстве находитесь теперь только Вы да Венед[икт] Ал[ександрови]ч⁴ и Сергей Яковлевич⁵. И Вы (предполагаю) в таком теперь настроении, что, пожалуй, та или другая тактика для Вас на первом плане. Может, это и не так, но если так, и если журналу суждено поэтому стать органом политической, да еще боевой партии, — то это очень серьезно. Он не будет отражать всей нашей группы, работавшей так долго под одним *литературным* знаменем... На это нечего закрывать глаза.

Отсюда вывод, что «Русское Бог.», возможно, и нужно, поскольку возможен и нужен орган общелитературный, оперирующий не тактикой, а устанавливающий широкие общие идеи. Я не предрешаю ответа. Может быть, такой орган и возможен, и нужен. Давай Бог. Я говорю только, как я его себе представляю. Когда-то по вопросу о бойкоте Думы я разошелся с товарищами и написал об этом (через Николая Федоровича)⁶. «Министерского вопроса» из этого тогда не делал, и более или менее скоро жизнь сама сняла вопрос с очереди. Пункты согласия были значительнее кратковременной тактики. Давай Бог, чтобы и теперь вопросы тактики не выпятились так, чтобы закрыть то, что нас объединяет. Будем надеяться, но нужно это постоянно иметь в виду, особенно выставляя имена отсутствующих товарищей.

Выставлять ли мое имя в качестве редактора? Я думаю, что пока это неудобно уже ввиду того, что это явная для всех фикция. Какой редактор, не имеющий возможности не только участвовать в обсуждении самых иногда важных вопросов лично, но не могущий даже списаться по этим вопросам? Я, конечно, не колеблясь, доверил бы Вам и Венедикту Ал-чу свое литературное имя при всяких других обстоятельствах. Доверяю его и теперь в уверенности, что Вы воспользуетесь им лишь при возможно-

сти осуществления журнала так, как я его понимаю. Но не стойт ли еще на пути *явность* этой фикции?

Теперь о рукописи. Я отослал две порции в «Русское богатство». Послал было и третью, но она вернулась: посланный не доехал. Еще один экземпляр послан в «Задругу», которая имеет в виду полное собрание сочинений⁷. Таким образом у меня остались черновик и один дубликат, сильно перемаранные и нецельные. Пришлось на скорую руку привести в порядок, что заняло порядочно времени. Тимофей Филат[ович]⁸ расскажет Вам обстановку моей жизни и то, при каких условиях приходилось работать. С «Современником» успею; пошлю все-таки порядочную часть. Но со статьей о земле⁹ не успею. С этой статьей у меня дело затянулось. Я боялся, по своему тогдашнему состоянию, дать начало, не имея порядочного запаса. Когда же я собрался печатать первые главы, то оказалось, что «Киевская мысль» уже закрыта. Таким образом, статья осталась без заключения и не переписана с копиями. Посылать без конца и главное — единственный экземпляр не решаюсь. Постараюсь, быть может, закончить и «заклчить», чтобы не пропустить следующую оказию, если таковая представится. Но в первую очередь все-таки ставлю продолжение «Современника».

Об Ант[онине] Фед[оровне]¹⁰ сообщить ничего не могу. Я как-то написал об ней специальное письмо Горнфельду, но оно очевидно не дошло. По крайней мере он об ней ничего не пишет и в последнем письме, так как (хотя поверхностно) сообщает о знакомых, то, значит, экстренного ничего не случилось.

Ну, вот пока более или менее все. Письмо это отправится завтра. Может, что еще вспомню. А пока крепко обнимаю Вас и Венедикта Ал-ча. Вы пишете о сочувствии проекту возобновления «Р. Б.» со стороны Елпатьевского. Видаетесь ли Вы или переписываетесь? До свидания.

Ваш Вл. Короленко

¹ См. предыдущее письмо.

² В письме от 10/23 февраля 1919 года Пешехонов писал Короленко из Одессы, находящейся под властью Добровольческой армии и французских союзников, о «намерении возобновить здесь издание «Русского богатства», которое, вероятно, приостановилось в Петрограде, — возобновить, хотя бы в виде неперIODических сначала сборников» (РГБ. Ф. 135. Разд. II. Карт. 31. Ед. хр. 58. Лл. 11—13). Издание не осуществилось в связи с вступлением в город большевиков.

³ П. В. Мокиевский.

⁴ В. А. Мякотин.

⁵ С. Я. Елпатъевский.

⁶ Короленко принципиально отвергал всякую тактику бойкотизма и в 1906 году выступал (как и кадеты) за участие в выборах в I Государственную думу, в отличие от левых партий (эсеров и большевиков), с которыми по данному вопросу отчасти сближались многие сотрудники «Русского богатства» (Анненский, Якубович, Пешехонов, Мякотин).

⁷ «Задруга» — московское кооперативное издательство народных социалистов, основанное и руководимое историком С. Мельгуновым; после 1917 года «Русское богатство» состояло в нем пайщиком. В «Задруге» были изданы сначала 3-й том и затем вся «История моего современника» (1919 и 1922). Собрание сочинений Короленко не состоялось, так как «Задруга» была ликвидирована большевиками в 1922 году за издание в своем заграничном отделе, в Париже, писем Короленко к Луначарскому.

⁸ Тимофей Филатович Родионов — типографский рабочий, который привез в Полтаву в начале марта 1919 года письмо Пешехонова и вернулся в Одессу с ответом Короленко и рукописью 2-го тома «Истории моего современника» (Одесса: Изд. ред. «Русского богатства», 1919).

⁹ Речь идет об очерках «Земли! Земли! (Мысли, воспоминания, картины)», написанных в 1919 году; не пропущены харьковской цензурой, частично опубликованы в журнале «Голос минувшего» (1922. № 1-2), полностью в зарубежных «Современных записках» (1922. Т. 11—13, 1923. Т. 14). В России эта «книга греха и печали», по определению самого автора, вышла впервые в 1991 году (М.: Советский писатель; тираж — 50000).

¹⁰ А. Ф. Пешехонова (1873—1959) — жена А. Пешехонова, врач.

ИЗ ПИСЬМА А. Г. ГОРНФЕЛЬДА — КОРОЛЕНКО

СПб. 25.VII.1920

Живу по-прежнему; временами обостряется тоска, являются новые поводы для тревоги, потом опять тупеешь и продолжаешь строчить что-то такое о влиянии «Вертера» на современников или о психологии супружеской жизни в «Сродстве душ». Дело видите ли в том, что рос-

сийскому обывателю теперь, по соображению повелевающих, необходимо научное издание сочинений Гете, и я — один из благосклонно призванных дать ему это изысканное блюдо. Мне смертельно хочется писать, писать так, чтобы меня на другой день читали мои читатели, во мне вспыхивают темы, формулы, образы; вспыхивают — и умирают. И когда я читаю в Вашем письме о надеждах Алекс[ея] Вас[ильевича] на возобновление журнала (я уже слышал об этом и даже о его соответственном письме к Ленину — слышал и не верил¹), но меня эта кифомокиевщина² не умиляет, а раздражает. Собственно в другом я бы этому умилился, но когда этот умный, практичный, ясный и хороший человек *так* слеп в оценке положения, то я уже не могу удержаться и от раздражения. Меньше чем кто-нибудь я ждал и хотел гибели нынешнего строя от какого-нибудь толчка, иноземного или генеральского, но как не видеть, что самая задача устройства жизни в этой форме, в этом плане — совершенно безнадежна. Говорят о саботаже со стороны интеллигенции и т. п. Но это не саботаж, не политический акт, а естественное движение творческой личности, которая в этих условиях не может и не сможет проявить себя, не может работать производительно, созидательно, а будет с вялостью раба ковырять постылую ненужность, к которой ее приставили. И хотя почта стала лучше и в спальном вагоне, чистом и покойном, можно проехать в 18 часов в Москву, все же жизнь *не* налаживается и не может наладиться, и снятие проклятой блокады только подчеркнет эту невозможность. Простите, как видите и я в числе прочих стал политиком, но посмотрите на это не как на политику, а как на лирику. Мне лучше, чем Вам, — я хоть об осужденных не должен хлопотать³ и ничего о них непосредственно не знаю.

Короленко ответил 1 сентября 1920 года: «Да, скучно писателю без печати, — я Вас понимаю <...> при нынешней свободе печатного слова приходится писать в таком жанре, с которым я до сих пор знаком не был: приходится писать докладные записки по начальству. Что станешь делать, когда порой от этого зависит жизнь людей» (Странник. 1991. Вып. 2. С. 66).

¹ 16 июля 1920 года Короленко писал Горнфельду о Пешехонове: «...у него есть идея (весьма фантастическая) возобновить “Русск. Бог.”. Мое сердце, разумеется, откликается на нее, но без всякой веры в ее осуществимость» (Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 186). Обращение Пешехонова к Ленину не сохранилось, ответа на него не последовало, но вплоть до закрытия изд. «Задруга» и высылки Пешехонова и Мякотина за границу в 1922 году в числе «неблагонадежной интеллигенции» «русские богачи» не оставляли мысли о возобновлении журнала.

² Кифа Мокиевич — персонаж «Мертвых душ» Гоголя: «существование его было обращено более в умозрительную сторону».

³ Последнее ходатайство в ЧК о помиловании осужденного Короленко подал за девять дней до своей смерти.

*Вступительная заметка, публикация и комментарии
Миры ПЕТРОВОЙ.*